

~
50370

L 50370

СІМОН

173

Служба

173

Л 50370.

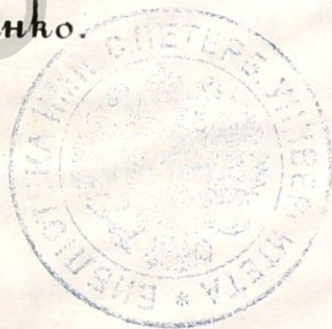
ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ

ЖУКОВСКІЙ,

СО СТОРОНЫ ЕГО ПОЭТИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

СОЧИНЕНІЕ

А. Жукитенко.

Проверка
2007

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній.

1855.

VI 1971

09487
78460

Почта
1971

ВАСИЛИИ АНДРЕЕВНЫ

ЖУРНАЛЪ

СО СТОРОНЫ ЕГО ПОСЛАВШЕГО КАРАКТЕРА И ДРУГЕЛЮБИВСТВА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 1-го января 1853 года.

Ценсоръ А. Фреймангъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи Штала Военно-Учебнаго Завѣданія.

1853.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ,

СО СТОРОНЫ ЕГО ПОЭТИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И внемля имъ, вздохнетъ о славѣ Младость,
Утѣшится безмолвная Печаль
И рѣзвая задумается Радость.

А. Пушкинъ.

Девятнадцатый вѣкъ, столь щедро надѣляющій исторію новыми неожиданными судьбами, вступая въ свой путь, привѣтствовалъ нашу умственную жизнь приношеніемъ ей начатковъ новой животворной силы: первые литературные опыты Жуковского явились въ свѣтъ 1800 года, тогда-какъ Карамзинъ готовилъ литературѣ нашей новый языкъ. Въ 1802 году Жуковский подтвердилъ свое призваніе переводомъ греевой элегіи: *Сельское Кладбище*. Съ-тѣхъ-поръ до послѣдней минуты своей онъ не переставалъ дѣйствовать для одной и той же избранной имъ цѣли, въ одномъ и томъ же духѣ, съ одинаковою свѣжестью силъ. Кто обыкновенному специальному дѣлу полстолѣтія служилъ бы ревностно и успѣшно, и тотъ, конечно, обратилъ бы на себя особенное вниманіе людей; здѣсь же, передъ нами, полувѣковый подвигъ во имя благороднѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ пользъ и стремленийъ человѣческаго духа, выдержанный до конца, какъ одинъ присѣсть къ труду, безъ уклоненія и шатости, честно, трезво и бодро; подвигъ, ознаменованный глубокимъ нравственнымъ вліяніемъ на общество. Знаменитость, украшающая имя Жуковского, не принадлежитъ къ тѣмъ литературнымъ знаменитостямъ, которыя создаются современниками; истинный дѣятель мысли, онъ приобрѣлъ и право на память между людьми долговѣчную и многозначущую, какъ мысль. Въ имени его заключается цѣлый періодъ нашей словесности; съ нимъ отошла отъ насъ къ потомству послѣдняя, чистая слава ея, еще сіявшая въ дни наши.

Изображеніе жизни и подробное исчисленіе заслугъ Жуковского мы предоставляемъ будущему его біографу; намъ желательно было

бы только очертить въ общей картинѣ характеръ его литературной дѣятельности и значеніе, какое имѣетъ она въ исторіи нашей словесности и образованія.

Жуковскій принадлежитъ къ тѣмъ отраднымъ явленіямъ, которыми исторія подвигаетъ впередъ дѣло мысли и благихъ начинаній человѣческихъ. Были таланты болѣе-могущественные, чѣмъ его талантъ, но немногіе, подобно ему, были такъ нужны своему обществу, немногіе такъ вѣрно и блистательно выполнили возложенную на нихъ миссію, какъ онъ. Миссія эта была важнымъ звѣномъ въ цѣпи событій, возникшихъ изъ эпохи нашего достославнаго возрожденія. Какъ бы дикій матеріализмъ ни усиливался по-своему измѣрять жизнь и рѣшать ея задачи, а она и глубже и божественнѣе, чѣмъ онъ думаетъ; матеріальный бытъ есть только условіе, моментъ человѣческой дѣятельности, а не цѣль ея. Въ жизни обществъ великихъ и долговѣчныхъ наступаютъ моменты другіе, когда нравственноразумные истинкты людей приходятъ въ рѣшительное движеніе, возвѣщающее, что періодъ младенчески-матеріальнаго возрастанія ими пройденъ и что для нихъ начинается ужъ возрастъ мысли и духа. Какимъ бы историческимъ процесомъ ни совершилось это важное измѣненіе, съ большею или меньшею постепенностью, слѣдствія его одинаковы: общество подчинится новымъ требованіямъ и новому закону нравственнаго развитія, гдѣ внутреннее и отвлеченное раздѣлится надъ умами власть съ внѣшнимъ и положительнымъ, и идеи станутъ въ рядъ вещей. Для русскаго общества этотъ періодъ существованія начался XVIII-мъ столѣтіемъ. Окрѣпшее своею національностью въ вѣковыхъ буряхъ и испытаніяхъ, отстаивъ мужественно и честно у судьбы свое политическое единство и вѣру, оно, наконецъ, подобно величественному кораблю, снабженному всѣми основными и вещественными пособіями, вдвинулось гевіемъ Петра въ потокъ обще-человѣческой исторіи. Судьба наша отнынѣ стала нераздѣльна съ судьбою ея высшихъ дѣятелей — науки и литературы. Но не вдругъ наша мысль прониклась ихъ внутреннимъ смысломъ и значеніемъ; недавно пробудясь, она должна была сперва ознакомиться съ ихъ механизмомъ и формами. Впрочемъ, у ней было и другое достойное ея дѣло: вводя мало-по-малу общество въ кругъ новыхъ воззрѣній на жизнь и вещи, она въ тоже время бодрствовала на стражѣ своей будущности, еще оспориваемой у ней ветхимъ невѣжествомъ. — Въ этомъ состоитъ важная заслуга нашей литературы прошлаго столѣтія, особенно періода Екатерины II. Соединяя виды своего обширнаго государственнаго ума съ видами Петра-Великаго, постигая совершенно науку правленія, монархія и вмѣстѣ мать своихъ подданныхъ, Она искусно и благодушно умѣла со-

четать блескъ и величіе своей державы съ возбужденіемъ и успѣхами благороднѣйшихъ умственныхъ движеній своего народа. Любя литературу для ней самой, по собственному врожденному влеченію ко всему прекрасному и человѣческому, она въ то же время смотрѣла на нее какъ на силу, которая болѣе всего могла содѣйствовать ей въ усовершенствованіи и возвышеніи не только нравовъ, но и всей нашей гражданственности. Это примѣнительное общественно-практическое направленіе литературы выразилось въ ея собственныхъ сочиненіяхъ; его раздѣляли лучшіе писатели того времени. Съ одушевленіемъ, наполнявшимъ сердца этой славной эпохи, они стремились распространять вокругъ себя вліяніе высшихъ понятій и общихъ истинъ, которыя служатъ залогомъ и обезпеченіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ образованія. Они мало думали о чисто-художественныхъ интересахъ литературы; ни то, что они находили въ собственныхъ убѣжденіяхъ, ни то, что заимствовали отъ другихъ, не могло образовать въ нихъ независимаго эстетическаго чувства, которому изящное отвергаетъ свои сокровища и которому достаточно его одного. Они съ честью и успѣхомъ совершали свое призваніе и дѣло вѣка; ихъ цѣли были прекрасны и благородны; одушевленіе ихъ было искреннее; но во всемъ, что они создали, было болѣе предчувствіе искусства, чѣмъ самое искусство, предчувствіе то смутно и робко, то ярко и смѣло пробивавшееся посреди разныхъ интересовъ общественныхъ и житейскихъ, посреди чуждыхъ школъ и ученій. XIX вѣкъ богатъ событіями, дѣйствовавшими прямо на возбужденіе внутреннихъ силъ русскаго народа. Александръ Благословенный принесъ съ собою на тронъ душу Екатерины и открылъ царствованіе свое рядомъ блистательныхъ учрежденій въ пользу просвѣщенія. Какой высокій царственный жребій! Въ началѣ поприща нѣсколько университетовъ и цѣлая обширная система народнаго образованія; на половинѣ его XII-й годъ, даровавшій Россіи лучшую страницу въ ея исторіи и имя избавительницы народовъ, при концѣ старѣйшинство въ союзъ европейскихъ государей, купленное не правомъ давности, а благоволеніемъ къ человѣчеству и подвигами личной мудрости, слитой въ одно съ доблестью народною! Естественно, что посреди всѣхъ этихъ возбужденій, коренныя духовныя потребности, возникающія въ нравственно-разумной жизни общества, стали обозначаться у насъ явственнѣе, рѣшительнѣе. Въ литературѣ все клонилось къ важному перевороту. Шаткая и непрочная по отсутствію характера, присвояемаго ей призваніемъ ея, дѣйствовавшая доселѣ подъ разными виѣшними вліяніями, она теперь должна была опереться на законномъ началѣ, дающемъ ей бытіе—на началѣ изящнаго; она должна была предстать предъ общество во всеоружіи

своей личной силы и дѣйствовать на него благотворно собственными средствами, возбуждая и образуя въ немъ природное чувство прекраснаго. Положить краеугольный камень въ этомъ новомъ зданіи литературы предоставлено было Жуковскому. Онъ первый изъ нашихъ писателей идею чистой красоты сдѣлалъ господствующею въ своихъ твореніяхъ, первый былъ поэтомъ въ прямомъ художественномъ смыслѣ этого слова, понялъ глубоко эстетическое значеніе литературы и возбудилъ къ ней всеобщее сочувствіе. Услуга важная, едва-ли не выше той, какую оказываютъ основатели новыхъ ученій; ибо ученіе можетъ удовлетворить какой-нибудь временной нуждѣ образованія, начало же, внесенное Жуковскимъ въ нашу литературу и образованность, вѣковѣчно, какъ сердце человѣческое.

Но прежде всего Жуковскому надлежало освободить русскую литературу отъ ига французской школы, которая господствовала надъ ней съ своими превратными понятіями объ искусствѣ. Мы далеки отъ того, чтобъ навязывать жизни свои цѣли, или требовать отъ нея единообразнаго послѣдованія однимъ и тѣмъ же правиламъ; намъ очень-хорошо извѣстно, что жизнь обширнѣе всѣхъ нашихъ системъ, и что она равно оставляетъ позади себя и отважныя о ней гаданія и усилія направить ее не туда, куда зоветъ ее законъ ея внутренняго движенія. Всякое историческое явленіе содержитъ въ себѣ извѣстную мѣру истины и не можетъ быть осуждаемо безусловно, какъ бы ни казалось оно на первый взглядъ противнымъ общимъ соображеніямъ и ожиданіямъ. Французская литература XVIII вѣка (мы разумѣемъ поэтическую ея часть), какъ созданіе духа времени и духа народа, представляетъ въ себѣ много важаго и поучительнаго. Но совсѣмъ другое мы увидимъ въ ней, когда станемъ разсматривать ее въ-отношеніи къ требованіямъ искусства. Нѣтъ сомнѣнія, что у искусства есть своя цѣль, свои законы и свои тайны, нетерпящія вмѣшательства и притязаній другихъ, постороннихъ силъ. Будучи нѣжнѣйшимъ цвѣтомъ мысли и сердца человѣческаго, оно тѣмъ чище и совершеннѣе, чѣмъ болѣе удерживаетъ въ себѣ свойствъ ихъ безсмертной и неизмѣнной природы. Но Французы не умѣли постановить ни одной истины, не употребивъ ее рано или поздно во зло. Они ищутъ ее, кажется, не для того, чтобъ воспользоваться ея добромъ, но чтобъ привить ей свои пороки. Въ-самомъ-дѣлѣ, что сдѣлала французская школа съ искусствомъ? На мѣстѣ алтаря, воздвигаемаго въ немъ геніемъ человѣчества для служенія самаго чистаго и высокаго, она поставила свой кумирь и окружила его обрядами и приношеніями, о которыхъ искусство не думаетъ, или которые оно не уважаетъ. Легкомысленная, поверхностная и суетная, какъ нація, давшая ей бытіе,

прилѣпясь, подобно ей, ко внѣшности, она не проникла до тѣхъ тайныхъ и глубокихъ источниковъ жизни, гдѣ почиютъ вѣчныя истины прекраснаго, какъ и все истинное. Остроумная и изобрѣтательная въ рисунокѣ, богатая красками, она создала образы, подобныя тѣнямъ баснословнаго Элизія, похожіе на людей, но безъ человѣческой крови въ жилахъ, безъ теплаго дыханія жизни въ устахъ. Здѣсь все было приносимо въ жертву словамъ, эффекту, условнымъ приличіямъ мѣста и времени; идея и форма разошлись другъ съ другомъ, и послѣдняя стала въ главѣ эстетическихъ движеній. Еслибъ это разъединеніе было произведено умами бездарными, тогда искусство было бы погребено подъ тяжестью схоластической техники и его злоупотребленіе не сопровождалось бы никакими вредными послѣдствіями. Безобразіе и открытая ложь никого не увлекаютъ; опаснѣе красота ложная и призраки истинны, нерѣдко богатые логикою и благовидными причинами болѣе, чѣмъ самая истина. Наружность, говорятъ, обманчива; но чтобъ обмануть, она обольщаетъ. Школа, которую мы здѣсь приводимъ, не знала сущности красоты, но знала тайну украшеній; она умѣла облечь форму въ сіяніе блестящаго ума, живаго воображенія, умѣла придать ей всю занимательность тонкихъ остроумныхъ оттѣнковъ, почерпая ихъ въ игрѣ національныхъ способностей, созданныхъ для игры въ жизнь. Тутъ было все — и величественное и нѣжное и смѣшное, картины и уроки; все, чтобъ увлечь, ослѣпить, озадачить умы вѣка. Но во всемъ этомъ не было одного — той цѣломудренной простоты, которая свидѣтельствуетъ о глубокой истинѣ человѣческихъ созданій, ручаясь въ то же время за чистоту и законность возбуждаемыхъ ими впечатлѣній. Оттого величественное становилось преувеличеннымъ и напыщеннымъ, нѣжное — изысканнымъ и манернымъ; смѣшное превращалось въ насмѣшку надъ достопочтеннымъ и священнымъ; картины блистали колоритомъ безъ внутренняго содержанія, а уроки исчезали въ пустотѣ велерѣчія и декламаторства. Это была вмѣстѣ и поэзія умственной роскоши и прикраса утонченнаго матеріализма, а не трезвое, серьезное удовлетвореніе высокими, божественнымъ потребностямъ души, плодъ искусственнаго настроенія общества, его способности превращать въ зрѣлище все — и добродѣтель и порокъ, измѣнять существенное и важное прикрасами своей изобрѣтательности, плодъ его неодолимой склонности приносить въ жертву минутъ все вѣковѣчное, все, надъ чѣмъ долго трудились природа и исторія. Всуе призывала она достопочтенное и безсмертное имя классической древности, увѣряя, что руководствуется ея гениемъ. Между ними ничего не было общаго; она вовсе не постигала образцовъ, предъ которыми лицемѣрно преклонялась: въ нихъ все была истина,

природа, простота, все дышало согласіемъ и нераздѣльною цѣлостію формы и идеи, тогда-какъ она дѣлала все противное этимъ великимъ основаніямъ. Мы, какъ извѣстно, наравнѣ съ прочею Европою, принесли свою долю поклоненія этой литературной школѣ, названной по какимъ-то неосновательнымъ причинамъ, или вовсе безъ причинъ, классическою. Жуковскій, по своей натурѣ, не могъ ей сочувствовать, несмотря почти на общій примѣръ современныхъ ему отечественныхъ писателей. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ избранникамъ природы, которыхъ, обрекая извѣстному назначенію, она сама и руководитъ въ выборѣ средствъ для его исполненія. Уполномоченный быть глашатаемъ ея тайнъ, онъ не могъ писать въ духѣ понятій, ей противоположныхъ. Онъ былъ поэтомъ въ самомъ глубокомъ и точнѣйшемъ смыслѣ этого слова прежде, чѣмъ ощутилъ въ себѣ призваніе писателя. Съ первымъ полетомъ своимъ этотъ выпрепннй духъ сталъ на рубежѣ между дѣйствительностью явленій и дѣйствительностью идей — и послѣдняя открылась ему во всей своей неизмѣримости и лучезарномъ сіяніи. На этой точкѣ умственной высоты, гдѣ вещи, съ ихъ богатою, но измѣнчивою и темною положительностію, озаряются свѣтомъ лучшаго и совершеннѣйшаго бытія, образовалось его воззрѣніе на міръ и жизнь, и въ примирительномъ союзѣ земнаго съ небеснымъ, ему сталъ доступенъ чистый идеалъ красоты. Безъ подобнаго воззрѣнія нельзя быть поэтомъ: ибо поэзія прежде всего, прежде чѣмъ она пріиметъ на себя разные виды и формы, есть *чувство* вѣчной истины и благоговѣнное вѣрованіе въ разумный божественный порядокъ жизни.

Но если Жуковскій во французской литературѣ не могъ найти предметовъ, соотвѣтствующихъ своему поэтическому настроенію, зато онъ встрѣтилъ ихъ въ современныхъ литературахъ англійской и германской. Здѣсь совершался тогда важный переворотъ. Когда бурныя волненія средневѣковой Европы начали наконецъ стихать, и на сцену ея выступили народы, которымъ суждено было строить зданіе новой гражданственности, тогда надлежало между ними явиться наукѣ и литературѣ. Драгоценное наследіе древняго міра, устоявшее въ борьбѣ съ варварствомъ и вѣками, его наука и искусство не могли остаться безплодными; въ нихъ было слишкомъ-много разумнаго, человѣчественнаго, и рождавшаяся образованность не могла не признать ихъ высокаго достоинства и даже не могла не увлечься ими. Но общества жили уже другою жизнью, истекавшею изъ глубины божественнаго ученія Иисуса Христа; ихъ ожидало другое поприще дѣятельности и другой жребій; они не могли довольствоваться тѣмъ, что завѣщали имъ геніи Греціи и Рима, и должны были начать періодъ своего искусства. Произошло двойственное направленіе литературы —

древне-классическое и ново-европейское. Начавшись легендами, общенародными эпическими сказаніями, пѣснями и мистеріями, послѣдняя въ Италіи, Испаніи и Англии возвысилась наконецъ до величественной эпопеи и драмы, въ которыхъ все — и идеи, и содержаніе и форма ознаменованы оригинальностью и силою, неслыханными дотолѣ въ умственномъ мірѣ. Дантъ, Петрарка, Аріосто, Кальдеронъ, Сервантъ, Шекспиръ, Мильтонъ и другіе могущественные умы дали поэзіи Европы всеобъемлющій глубокій характеръ, вполне-соотвѣтствующій новому развитію чело-вѣка и новому положенію его въ исторіи. Это было искусство чистое и самобытное, предъ красотами коего блѣднѣли невѣрныя французскія подражанія классикамъ. Но такова шаткость дѣлъ человеческихъ, что великіе начатки литературы столь оригинальной, столь крѣпкой своимъ естественнымъ могуществомъ, столь богатой будущностью, едва не были поглощены повсюду разлившимися волнами ложнаго вкуса одной націи. Къ-счастью, общее ослѣпленіе было непродолжительно, какъ непродолжительно все, противное натурѣ вещей и истинѣ. Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій міръ образованный получилъ уроки, достаточные къ тому, чтобъ увлеченіе покорить силѣ мысли трезвой и испытующей. Въ Англии особенно явились великіе таланты, способные идти по пути своихъ знаменитыхъ предшественниковъ; Германія, въ свою очередь, произвела мужей, сдѣлавшихся достойными представителями ея самобытныхъ литературныхъ движеній. Это не было уже безъотчетное поклоненіе пластической древней красотѣ; лучшіе умы начало духовное признали основною стихіею всякаго художественнаго созданія: полныя свѣжихъ силъ, почерпнутыхъ въ этомъ чисто-христіанскомъ началѣ, объятые величіемъ мысли раздвинувшей свои предѣлы, они устремились за нею въ область психологическаго и историческаго анализа и сдѣлались провозвѣстниками глубочайшихъ истинъ природы и чело-вѣка. Каждый народъ въ этомъ потокѣ мысли долженъ почерпать свою долю самъ-собою; каждый въ фокусѣ своего слова долженъ собрать и завітныя преданія своего прошедшаго и свои лучшія вѣрованія и надежды, сосредоточить въ немъ свое нравственное могущество, чтобъ ощутить то, чѣмъ онъ обязанъ себѣ и исторіи. Эти-то идеи, соединяющія въ себѣ стихіи чело-вѣческія и народныя, составляли сущность литературы, весьма-невѣрно названной романтической, которой главнымъ закономъ было *изящное въ истинѣ природы и истинѣ исторіи*. Въ нихъ было именно то, къ чему внутренними склонностями и таланта и сердца стремился Жуковскій, что крылось въ его тайныхъ поэтическихъ предчувствіяхъ. Съ юношескою отвагою въ сердцѣ, увлекаемый непреодолимою силою своего литературнаго призванія и могуществомъ

современнаго движенія, онъ пошелъ на встрѣчу вождямъ новой школы, чтобъ воззрѣніе ихъ на искусство и методу, которыя должны были сдѣлаться всеобщими, усвоить литературѣ отечественной. Въ-самомъ-дѣлѣ, это воззрѣніе и метода не были школою одного народа, или одной какой-нибудь литературной партіи: это былъ естественный логическій шагъ къ эстетической истинѣ всѣхъ народовъ образованныхъ, соединенныхъ одною историческою судьбою и призваніемъ, всѣхъ, у кого сознание своей національности и сознание челоуѣчности перестали быть противорѣчіемъ, а сдѣлались, напротивъ, опорой другъ друга. Тутъ идеи изящнаго переходили отъ писателя къ писателю, какъ духъ, узаконенный неотразимою потребностью вѣка, по взаимному сочувствію, даже безъ видимаго сближенія, безъ права для одного принять почести образца и безъ униженія для другаго быть спискомъ.

Все это объясняетъ нѣкоторымъ образомъ и самый способъ, какому долженъ былъ послѣдовать Жуковскій въ своей поэтической дѣятельности. Чуждый вліянію вкуса, господствовавшаго у насъ въ его время, художественный по самымъ основнымъ побужденіямъ своей натуры, преданный всѣми силами своей души не буквѣ и формѣ, но сущности искусства, онъ могъ избрать только одинъ путь, а на этомъ пути ужъ подвизались люди геніальные: не идти въ слѣдъ за ними, значило идти назадъ, или оставаться на одномъ мѣстѣ. На всякомъ поприщѣ надобно какъ-можно-болѣе сдѣлать добра — это главное; но не всегда мѣра произведеннаго добра опредѣляется степенью его оригинальности. Для общества всегда будетъ ново то, которымъ оно не наслаждалось; и кто общую истину сдѣлалъ достояніемъ извѣстнаго мѣста и времени, тотъ долженъ быть и почтенъ тамъ, какъ виновникъ и родоначальникъ ея. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя дѣла въ умственномъ мірѣ не дѣлаются простымъ перениманіемъ или подражаніемъ: ихъ можетъ совершить только избранная нравственная сила сама-собою, по собственному возбужденію, привлекая къ своему средоточію событія и вещи и властвуя надъ ними, сила — увѣренная притомъ въ успѣхѣ, потому-что видитъ хорошо настоящія потребности и расположеніе умовъ. Мысль одна и лучи ея текутъ во всѣ концы вселенной, и каждый лучъ ея на той точкѣ, гдѣ ему упасть должно, и животворитъ и свѣтитъ, какъ вся она. Жуковскій желалъ видѣть на отечественномъ языкѣ то, чему удивлялся въ современныхъ писателяхъ Англіи и особенно Германіи — и желаніе и удивленіе его были совершенно-справедливы. Но удовлетворить первому никто не могъ, кромѣ его самого; ему также надобно было съ этимъ назначеніемъ родиться для Россіи, какъ Байрону, Вальтеру Скотту,

Шиллеру, Гёте и проч., родиться для Англии и Германии съ назначеніемъ создать новое для нихъ искусство. Передъ нимъ были ужъ готовыя творенія, созданныя въ направленіи близкомъ его сердцу; ему предстоялъ подвигъ оживотворить ихъ новымъ духомъ въ другой сферѣ мысли и слова, съ тѣмъ же богатствомъ идей, но подъ другими условіями проявленія. Образы, ему принадлежавшіе, дѣлались его образами не только потому, что онъ ихъ себѣ усваивалъ, а и потому, что въ его творческомъ дарованіи они получали новую способность жить и дѣйствовать въ мірѣ, для котораго не предназначались, и потому—что ни одною своею чертою они не изобличали своего *нездѣшняго* происхожденія. Всѣ они прошли сквозь его сердце и, возчувствованные, возрожденные его любовью, въ прекрасномъ словѣ страны имъ чуждой, стали плотію отъ плоти и костію отъ костей его. Онъ обладалъ ему одному свойственнымъ способомъ исполненія: ему достаточно было взглянуть на картину въ мастерской великаго художника—и не было надобности вематриваться въ ея подробности, или въ приемы ея производства: она безъ этого вся сполна повторялась подъ его кистью, и это повтореніе было та же самая картина по художественному достоинству и вмѣстѣ другая, потому—что была дѣйствительно другая. Талантъ его не связывался никакими условіями вѣрности своему автору; онъ распоряжался въ сферѣ его свободно, самовластно, какъ хозяинъ; и еслибъ настоящій владѣлецъ ея засталъ его, такъ—сказать, въ самыя минуты занятій, онъ былъ бы изумленъ, увидѣвъ на своемъ мѣстѣ втораго себя, своего двойника. Не таковъ ли онъ дѣйствительно, напримѣръ, въ Шильонскомъ Узникѣ, Орлеанской Дѣвѣ, балладахъ Шиллера и проч.? Что это, копіи, переводы? Какъ это назвать? Копіи по сюжету, и произведенія великаго мастера по всему. Какимъ—то удивительнымъ образомъ онъ умѣлъ въ переводчикѣ сохранить достоинство творца и заставить насъ вспоминать о подлинникахъ не для сравненія и повѣрки, а развѣ для удовлетворенія нашего ученаго и критическаго любопытства. Тайна, впрочемъ, состояла здѣсь въ томъ, что Жуковскій былъ поэтомъ и поэтомъ первокласснымъ прежде, чѣмъ приступалъ къ переводу; что духъ, направленіе, идеи, какіе находилъ онъ въ своемъ авторѣ, были столько же его собственные, сколько и сего послѣдняго; вы готовы подумать даже, что онъ потому не являлся ихъ оригинальнымъ исполнителемъ, что былъ предупрежденъ въ своихъ покушеніяхъ. Многіе хотѣли видѣть въ немъ прилежное и основательное изученіе подлинниковъ, отчего, при необыкновенномъ знаніи отечественнаго языка, ему было ужъ легко передавать и общій тонъ произведенія и всѣ отбѣнки мыслей. Совсѣмъ не то; здѣсь было высокое да-

рованіе, дѣйствовавшее ему одному свойственнымъ актомъ постиженія; тутъ было вдохновеніе, а не трудъ. Въ переводимомъ имъ авторѣ и въ немъ вы видите двухъ наперсниковъ природы, изъ которыхъ одинъ уступаетъ другому знаки своего достоинства, потому-что имъ даны права одинакія.

Мы говорили объ общемъ поэтическомъ направленіи, какое почерпнулъ Жуковскій въ духѣ своего времени; обратимся же къ характеру его произведеній, собственно ему принадлежащему, къ содержанію ихъ, художественной обработкѣ формы и языку. Основная первообразная стихія поэзіи, собственно-говоря, одна. Возводитъ дѣйствительность до идей и тѣ же самыя идеи облекать въ новую сообразную съ ними дѣйствительность и сходную съ первою и несходную — сходную законами, несходную совершенствомъ и полнотою явленій — вотъ прямая задача поэзіи. Съ одной стороны, все въ ней существенно для насъ, осязательно, необходимо, какъ въ природѣ; съ другой, все исполнено мысли и нравственной свободы, все возвѣщаетъ о человѣкѣ, о его высшемъ таинственномъ назначеніи и судьбахъ, о его безконечномъ развитіи. Какая цѣль этого? Цѣль — возстановлять въ его сознаніи образы лучшаго, совершеннѣйшаго бытія, безпрестанно поглощаемые грубою матеріальностью и влеченіями пошлаго эгоизма, раздвинуть предъ нимъ предѣлы жизни и показать ее съ той стороны, какая способна питать въ немъ и поддерживать всѣ великія и сладостныя вѣрованія. Поэтому-то поэзія и есть одно изъ благодатныхъ откровеній духа, возносящихъ насъ надъ превратностями нашей земной среды, въ которой суждено намъ жить, но которую не суждено считать намъ окончательною цѣлью жизни. Это высокое назначеніе поэзіи выполняется не однимъ прямымъ изображеніемъ изящнаго, идеальнаго, сверхъчувственнаго порядка вещей; неразлучная въ самомъ высшемъ своемъ паженіи съ дѣйствительностью, потому-что изъ нея, а не изъ ничего почерпаетъ идеи, поэзія преслѣдуетъ ее и тамъ, гдѣ она своею вещественною стороною, въ распаденіи на безчисленныя разности, отдаляется отъ свѣтлаго средоточія жизни. Въ дѣйствительности человѣческой, въ царствѣ нравственной свободы ежеминутно совершаются роковыя его отрицанія, образуются явленія темныя — нравы, положенія, страсти и характеры, поразительные по своей противоположности всему разумному, законному и прекрасному, всему подобающему быть. Эта противоположность, являющаяся въ одномъ и томъ же кругу вещей, принадлежитъ къ самымъ-глубокимъ тайнамъ бытія, и сознаніе ея есть одно изъ благороднѣйшихъ движеній нашей природы. Оно-то и есть основаніе внутренней рѣшимости въ нашихъ убѣжденіяхъ и дѣвяхъ; оно дѣлаетъ возможною ту чудную доб-

лесть, которой сущность состоитъ въ борьбѣ, а красота—въ побѣдѣ; оно одно пролагаетъ намъ путь къ заслугѣ и общаетъ вдали радостный день торжества и славы. Оно вполне принадлежитъ поэзіи; ея долгъ постоянно различать противоположныя стороны дѣйствительности, обращаться то къ той, то къ другой, выставляя одну въ ея божественномъ идеальномъ достоинствѣ, какъ возжелѣнную цѣль нашихъ стремленій, и другую во всемъ ея безобразіи, какъ предметъ спасительнаго ужаса и негодованія. Благотворное дѣйствіе ея на людей пріобрѣтаетъ оттого двойную силу: она не только привлекаетъ насъ ко всему благому, охватывая сердце священными наитіями красоты, но и охраняетъ отъ пагубнаго вліянія нравственныхъ безобразій, посрамляя ихъ въ глазахъ нашихъ и срывая съ нихъ личину, которою они любятъ прикрываться. Вотъ почему въ области поэзіи такъ часто изображенія свѣтлаго, радостнаго и доблестнаго смѣняются картинами мрачными, картинами человѣческихъ немощей и страданій, наденія и нелѣпостей, и за гимнами восторга слѣдуетъ карающая, грозная сатира, за величественной эпопеей, драмой—комическое или юмористическое живописаніе правовъ. Поэзія древнихъ, при всей скудости понятій своихъ о нравственномъ назначеніи человѣка, дѣйствовала подобнымъ образомъ; новѣйшая естественно еще болѣе должна проявлять собою этотъ всеобъемлющій характеръ и этотъ благородный духъ нетерпимости порока, когда идеальное челоуѣчества съ такимъ величіемъ сіяетъ предъ нами въ божественномъ ученіи Иисуса Христа. Личный характеръ писателя можетъ склонить его исключительно къ дѣйствительности идеальной, или къ дѣйствительности вещественной; но, во всякомъ случаѣ, въ сферѣ поэзіи, онъ прежде всего будетъ поэтомъ, то-есть обвинитъ жизнь въ рованіемъ въ ея лучшее, разумное назначеніе. Здѣсь его единственная точка зрѣнія; отсюда онъ устремляетъ взоръ свой и на зрѣлище человѣческихъ страстей и безпорядковъ — и въ его правдивомъ изобличеніи того, что не должно бы быть, вы найдете только новый поводъ послѣдовать тому, что должно быть. Жуковский поэтъ идеальной дѣйствительности; въ немъ синтезисъ преобладалъ надъ анализомъ. Онъ не могъ отклониться даже на время отъ созерцанія высшихъ и чистыхъ образовъ красоты и сосредоточить своей наблюдательности надъ другою половиною жизни; онъ не могъ быть соглядатаемъ порока, принять на себя видъ наружной снисходительности къ нему, войти съ нимъ, такъ-сказать, въ фамиллярныя сношенія, чтобъ, всмотрясь лучше въ темныя изгибы его дѣяній, ополчиться противъ него потомъ чувствомъ и силою той же самой красоты и предать его на судъ и посмѣяніе свѣта. Ни сарказмъ, ни юморъ, ни иронія не шли къ лицу его задум-

чивой, величественной музы, облеченной въ сіяніе, обитательницы лучшаго міра, праздничной гостии здѣшняго. Изъ всѣхъ поэтовъ, которыхъ творенія усвоивалъ Жуковскій отечественной словесности, ближе всѣхъ къ сердцу его былъ Шиллеръ. Этотъ великій писатель былъ попревосходству поэтъ человѣчества. Никто глубже его не понималъ достоинства и величія нашей природы, никто сильнѣе его не умѣлъ одушевлять ими людей; никто законнѣе его не могъ бы явиться предъ недобѣрчивыми учениками, хадатаемъ за честь и нравственные преимущества чело-вѣка. Неудивительно, что Жуковскій живо, глубоко сочувствовалъ ему: это были люди одного исповѣданія въ искусствѣ. Онъ не питалъ расположенія ни къ мрачному скептицизму Байрона, оглушеннаго зрѣлищемъ человѣческихъ скорбей, ни къ самообладательному величію Гёте, котораго геній былъ бы больше, если бы не всегда хотѣлъ быть одинаково великимъ.

При такомъ внутреннемъ настроеніи Жуковскаго, общій поэтический характеръ его произведеній представляется въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Съ перваго взгляда становится очевиднымъ преобладаніе въ нихъ обще-человѣческой стихіи. Направление это не заключало въ себѣ ничего отвлеченнаго; въ немъ, напротивъ, все было исполнено жизни и драгоцѣннѣйшихъ интересовъ сердца. Не удивительно, что оно съ такою силою могло подѣйствовать на умы уже приготовленные и событіями и степенью своего развитія къ воззрѣніямъ многостороннимъ и обширнымъ. Сверхъ-того, Жуковскій обладалъ тѣмъ побѣдительнымъ могуществомъ слова, которое каждую выражаемую мысль не только дѣлаетъ доступною нашему сознанію, но вноситъ ее въ самыя сокровенныя отправления сердца, мчитъ ее, такъ сказать, съ собою по жиламъ и нервамъ всего существа нашего. Поэтому естественно, что изъ какихъ бы отдаленныхъ человѣческихъ источниковъ Жуковскій не почерпалъ идеи и образы, они тотчасъ становились собственностью всей нашей литературы, стремившейся, быть образованною, человѣчественною. Вотъ почему Жуковскій не бывъ поэтомъ народнымъ, въ тѣсномъ и ограниченномъ смыслѣ слова, народенъ однакожь не только потому, что онъ одушевленъ патриотическимъ рвеніемъ внести въ нашу литературу начало, необходимое для ея художественнаго образованія, но и потому-что совершенно въ томъ успѣлъ, разливая, такъ сказать, живительную теплоту этого начала по всему ея органическому составу. Нѣтъ сомнѣнія, что всякая литература состоитъ изъ двухъ силъ — обще-человѣческой и народной. Между произведеніями ея вы встрѣтите одни, ознаменованныя преимущественно характеромъ народности въ духѣ, содержанія и самихъ формахъ, другія, въ которыхъ рѣшительно преобладаютъ стремленія и идеи обще-человѣ-

ческія. Чѣмъ народъ могущественнѣе по своему генію и доблести и чѣмъ онъ просвѣщеннѣе, тѣмъ-болѣе эти начала уравниваются одно съ другимъ ; созданія, носящія на себѣ печать народныхъ чувствованій и воззрѣній, представляютъ истины и образы, доступные и драгоцѣнные людямъ разныхъ племенъ и вѣковъ, а съ другой стороны, творенія, посвященныя задачамъ общимъ, проникнуты духомъ самобытнымъ, сочувствіемъ и теплымъ участіемъ если не всей націи, то ея представителей умовъ лучшихъ, болѣе развитыхъ. У Грековъ такое прекрасное, гармоническое настроеніе умственной жизни было плодомъ ихъ генія, въ высшей степени самобытнаго и человѣческаго по его натурѣ ; у народовъ новыхъ оно достигнуто въ размѣрахъ несравненно-обширнѣйшихъ путемъ историческаго развитія, возбужденнаго и направляемаго вѣчными истинами христіанства. И таково чудное дѣйствіе его неземнаго могущества, что каждая личность индивидуальная или народная, вступивъ подъ его благодатный покровъ, становится дѣйствительнѣе, самостоятельнѣе, достоиннѣе, и въ то же время освобождается отъ своихъ исключительныхъ, отталкивающихъ огражденій. Такимъ-образомъ, чѣмъ геніальнѣе произведеніе въ новѣйшихъ литературахъ, тѣмъ глубже проникаетъ оно до сокровеннѣйшихъ основаній человѣческой природы и тѣмъ съ болѣе блескомъ, достоинствомъ и полнотою выражаетъ геній своего народа.

Идеализація Жуковскаго отличается выраженіемъ какого-то счастливаго равновѣсія силъ и движеній жизни. Она непротивопоставляетъ предметовъ предметамъ, чтобъ направленіемъ ихъ или борьбою достигать важныхъ и многозначительныхъ послѣдствій. Она привлекательна именно своею тишиною и умягчающимъ дѣйствіемъ на душу. Характеръ ея состоитъ не столько въ глубинѣ, сколько въ возвышенности воззрѣній. Она не ищетъ разрѣшать вопросы, колеблющіе умъ и сердце человѣка, но она и не возбуждаетъ ихъ ; за каждымъ, такъ-сказать, воззваніемъ къ жизни она находитъ готовое слово любви или надежды, укрощающее всякое недоумѣніе и всякій смѣлый порывъ мысли. Это, конечно, не все, въ чемъ духъ искушаетъ свои безконечно-дѣятельныя силы ; но для него сладостны эти свѣтлыя мгновенія тишины, въ нѣдрахъ которой жизнь, въ вѣчномъ преслѣдованіи своей таинственной цѣли, опочиваетъ отъ своихъ великихъ бурь и опасностей. Поэтъ умѣетъ сдѣлать эти мгновенія вполне для васъ отрадными и тѣмъ исполняетъ одно изъ прекрасныхъ назначеній поэзіи : столько же успокаивать, сколько она воодушевляетъ. Здѣсь открытъ передъ вами безпредѣльный горизонтъ ; ни одно облако не движется на ясной лазури неба, простертаго надъ головою вашею ; природа, люди, таинственныя

видѣнія другого міра—все дышетъ однимъ чувствомъ лучшаго, родственнаго бытія. Если чей-нибудь стонъ коснется вашего слуха, или слеза скатится съ чьей-нибудь рѣсницы въ вашемъ присутствіи, вы чувствуете, что тутъ же незримо около васъ и надъ вами паритъ духъ-утѣшитель, пріосѣняя страданіе знаменіемъ утѣшительныхъ вѣрованій. Жуковскій любитъ погружаться въ задумчивость; онъ знаетъ жизнь, если не по искажающимъ ея недугамъ, не по труднымъ и тяжкимъ борьбамъ ея, то по обманчивости ея прельщеній, по горькимъ утратамъ лучшихъ достояній сердца. Онъ сѣтуетъ; но его сѣтованіе изливается въ такихъ сладостныхъ и мелодическихъ звукахъ, что вы готовы были бѣ сожалѣть, еслибъ подобнаго сѣтованія лишена была земля. Другое важное качество идеализаціи Жуковскаго— нравственная чистота. Она сіяетъ въ его произведеніяхъ, какъ перлы росы въ утреннемъ блескѣ цвѣтовъ. Вѣрный ей въ основныхъ идеяхъ своихъ созданій, въ фізіономіи цѣлыхъ образовъ, онъ не пзмѣняетъ ей въ самыхъ легкихъ подробностяхъ рисунка и выраженія. Нѣтъ, кажется, чувства въ его твореніяхъ, котораго бы самое избранное сердце не согласилось признать своимъ; нѣтъ мысли, на которой бы не было помазанія того высокаго служенія, какому обрѣкъ себя поэтъ. Его нравственныя убѣжденія не сверкаютъ блескомъ афористическаго остроумія; они составляютъ нераздѣльное свойство его поэзіи; она вся наполнена теплотою ихъ, какъ цвѣтокъ напоенъ благоуханіемъ весь, въ каждомъ листкѣ своей роскошной чашечки.

Идеальное направленіе Жуковскаго было явленіемъ новымъ и благотворнымъ для русской литературы. Оно утвердило въ ней силу высшихъ стремленій, открыло мысленнымъ взорѣніямъ горизонтъ обширный, сообщило ей характеръ чистоты и глубокости, дотолѣ ей чуждый. Шаткіе, случайные порывы къ предметамъ и истинамъ, выходящимъ изъ ежедневнаго круга вещей и событій, не составляютъ еще поэзіи; они или ничего не значатъ, или означаютъ незрѣлое состояніе умовъ. Идеализація Жуковскаго превратила ихъ въ начало, и съ понятіемъ объ искусствѣ слила понятія о благороднѣйшихъ интересахъ человѣчества. Она сдѣлала еще болѣе: несмотря на свое синтетическое свойство, она оказала важную услугу поэтическому анализу. Чтобъ изображать художественно даже нелѣпости и пороки, онъ долженъ озаряться сіяніемъ высшей мысли, которая удостоверяетъ насъ въ ихъ несообразности съ человѣческою природою именно потому, что удостоверила прежде въ существованіи ея великихъ силъ и назначенія. Безъ постояннаго напутствованія ею, какой смыслъ имѣло бы изученіе и перенесеніе въ область искусства Овѣгиныхъ, Чичиковыхъ, Дмухановскихъ и т. п.? Какъ ни мало

кажутся похожими на Жуковского Пушкинъ и Гоголь, но то вѣрно, что онъ приготовилъ имъ путь и связанъ съ ними прагматически въ исторіи нашей поэзіи. Крайности поэтического реализма имѣютъ свое важное и глубокое значеніе, но только тогда, когда литература и жизнь хорошо знакомы съ идеалами высшей, лучшей дѣйствительности. При пособіи ихъ, мрачное и грустное зрѣлище порока не угнетаетъ вашей души; вы чувствуете, что міръ не весь отданъ во власть грубаго матеріализма, несмотря на его превозносимые успѣхи: ибо что значать эти успѣхи передъ внутреннею необъятною сложностью пружинъ, управляющихъ дѣлами человѣческими? Осознательностью вѣчныхъ истинъ, раскрывающихся въ искусствѣ, вы наконецъ убѣждаетесь въ ихъ таинственномъ могуществѣ, убѣждаетесь, что не все погибло, пока для нихъ есть убѣжище — хоть въ одномъ вѣрованіи сердца человѣческаго. Этимъ-то воззрѣніемъ на жизнь содѣйствуетъ направленіе, подобное тому, какое мы находимъ въ произведеніяхъ Жуковского. Идеализація школы, которой онъ былъ у насъ представителемъ, порадила не мечты, не вымыслы: это духъ, разумъ вещей и дѣлній. Это не украшеніе жизни и природы, это сама жизнь и природа въ полнотѣ ихъ процвѣтанія и благолѣпіи ихъ сущности, когда онѣ, по выполненіи тяжкихъ и трудныхъ работъ, празднуютъ ея свой день субботній.

Жуковскій вездѣ вѣренъ однимъ и тѣмъ же основнымъ идеямъ своей школы; при-всемъ-томъ содержаніе произведеній его весьма-разнообразно. Гибкость его таланта неоспорима; онъ способенъ ужиться со всѣми поэтическими преданіями, со всѣми предметами, достойными художественнаго воззрѣнія. Для ума его и воображенія не было, повидимому, ни высоты недоступной, ни граціи, которая бы не привѣтствовала его улыбкою, какъ близкаго себѣ, какъ своего кровнаго. Разность мѣста, времени, разнообразныя характеры, оттѣнки чувствованій — ничто его не затрудняло въ той области, какая соотвѣтствовала его направленію; во всемъ онъ могъ усвоить себѣ поэтическую сущность, духъ, все перечувствовать и все высказать съ увлекательною преместью слова. Что общаго между германскими средневѣковыми легендами и русскимъ писателемъ XIX вѣка? А онъ постигъ совершенно эту разцвѣтавшую жизнь, полную героической силы и таинственныхъ видѣній. Поднятую изъ могилы геніемъ новѣйшихъ германскихъ поэтовъ, онъ для насъ вторично оживилъ ее въ изящно-фантастическихъ образахъ. И отсюда съ легкостью, неизмѣнною лѣтами, онъ перенесся, подобно гѣтеву Фаусту, въ другой міръ, гдѣ предстали ему и возродились въ его духѣ созданія съ другою фізіономією — созданія прекрасной Греціи съ своимъ античнымъ, спокойнымъ величіемъ и умиительною патрі-

архальною простотою. Вначалѣ онѣ, повидимому, любилъ пути, на которыхъ встрѣчаются предметы, сильно-потрясающіе душу; онѣ восходитъ на скалы, одѣтыя мохомъ, погружается въ глубину дремучихъ лѣсовъ, отдыхаетъ на кладбищѣ, или у воротъ опустѣлаго замка, гдѣ, въ полуночномъ мракѣ, сверкаетъ мгновенный, двусмысленный свѣтъ, мелькаютъ роковыя видѣнія. Тогда все это считали принадлежностью романтизма, между-тѣмъ, какъ это было просто влеченіе поэтической души ко всему таинственному и чудесному въ природѣ, овладѣвающее ею преимущественно въ лѣта юности. Послѣ Жуковскій исполняется болѣе-мыслительнаго начала поэзіи. Каждое произведеніе позднѣйшаго періода ужь ознаменовано у него основною идеей многозначительною и обдуманною; онѣ поэтъ не однихъ внѣшнихъ явленій природы или исторіи, не снимщикъ видовъ: въ цвѣтущихъ и богатыхъ образахъ его благоухаетъ мысль иногда неуловимая, какъ запахъ цвѣтка, но всегда дающая чувствовать свое присутствіе, наполняющая душу если не разрѣшеніемъ истины, то предчувствіемъ ея. Вообще содержаніемъ своихъ произведеній онѣ раздвинулъ предѣлы нашей поэзіи и обогатилъ ее предметами, воззрѣніями, чувствованіями, совершенно для ней новыми; съ нимъ ей сдѣлались близкими всѣ великія откровенія природы и жизни человѣческой и тѣмъ самымъ она пріобрѣла свойства, отличающія вообще поэзію новѣйшихъ образованныхъ народовъ. Въ этомъ-то особенно состоитъ важное значеніе того перехода, какой сдѣланъ Жуковскимъ отъ французской школы къ школѣ такъ-называемой романтической.

Лиризмъ Жуковскаго, эта исповѣдь поэтической души, по содержанію своему, столько же отличается отъ лиризма, господствовавшго въ русской поэзіи, какъ и по направленію. Наши лирики, кромѣ Державина, составляющаго явленіе исключительное, которое не можетъ быть пзъясняемо общимъ мѣриломъ современной ему литературы, наши лирики, говоримъ мы, съ какимъ-то простодушіемъ устранили вовсе изъ своихъ произведеній мысль и чувство. Воспаривъ на крыльяхъ какого-нибудь трона и фигуры къ Геликону и музамъ и воззвавши къ нимъ громкимъ гласомъ съ мольбою о вдохновеніи, они скоро убѣждались, что вдохновеніе къ нимъ ужь послано, что теперь они уволены отъ всякой личной дѣятельности, что общія мѣста, всегда готовыя къ услугамъ каждаго, кто пишетъ, отвѣчаютъ за все остальное, что стоить ихъ перебрать всѣ, или главныя, въ извѣстномъ лирическомъ порядкѣ или безпорядкѣ — и процессъ созданія, изобрѣтеніе кончены. Снисходительные друзья, критика и публика были въ восторгѣ, когда лирику удавалось все это высказать стихами сколько-нибудь гладкими, непротивными слуху.

Болѣ всего нравилась и творцамъ и читателямъ торжественность тона, бряцаніе лирныхъ струнъ. Дмитріевъ, писатель съ замѣчательнымъ дарованіемъ, очень-остроумно осмѣялъ безжизненный риторизмъ нашей лирики; въ его собственныхъ стихотвореніяхъ мы видимъ ужь мысль и признаки чувства; но и то и другое есть не плодъ непосредственнаго возбужденія духа, а произведеніе тонкаго ображающаго ума, его ловкой изворотливости, которая умѣетъ содѣлать все кстаті, невыходя изъ круга принятыхъ и установленныхъ понятій и воззрѣній. Совсѣмъ не то мы видимъ въ Жуковскомъ: онъ далъ нашей лирикѣ *поэтическій смыслъ*, а это очень-важно; ибо лирика въ каждой литературѣ есть пульсъ, которымъ означается движеніе ея жизненныхъ силъ. Онъ показалъ, что за вдохновеніемъ надобно обращаться не къ музамъ, а къ природѣ и жизни; уничтожилъ машины, помощью которыхъ наши пѣснопѣвцы поднимались наверхъ, чтобъ оттуда возглашать *во всю предѣлы міра* большею-частью то о своихъ меценатахъ, то о своихъ возлюбленныхъ, хотя одни ихъ вовсе не знали, а другихъ они не знали сами. Всѣ піитическіе снаряды, всѣ мучительскія орудія тщетнаго добыванія мыслей, всѣ общія мѣста пали предъ могуществомъ его живой, естественной, истинной поэзіи.

78460
Переворотъ къ лучшему, конечно, произошелъ не вдругъ: бездарные піиты продолжали повременамъ смущать образующійся вкусъ «шумнымъ гласомъ своихъ гортаней, поя великихъ честь именъ», какъ выражается Петровъ въ одной изъ своихъ одъ; но рубежъ между прошедшимъ и настоящимъ ужь былъ проведенъ, ужь чувствовали разницу между тѣмъ, что было и между тѣмъ, что должно и можетъ быть. Самъ Жуковскій составлялъ начало лучшаго направленія, но не осуществилъ всѣхъ его послѣдствій, потому-что всякое начало истины есть животворное сѣмя будущаго, а не само будущее. Такъ его собственнымъ лирическимъ созданіямъ не доставало анализа. Въ немъ больше чувства нежели наблюдательности; онъ больше знакомъ съ природою предметовъ, чѣмъ съ ихъ бытомъ и исторіей; больше даетъ имъ, чѣмъ заимствуетъ отъ нихъ. Правда, то, что онъ переноситъ на нихъ отъ себя, не противорѣчитъ ихъ сущности, но оно болѣе достойнѣ ихъ рода, чѣмъ ихъ личная собственность. Ему доступнѣе поэзія жизни, нежели поэзія ея мгновений, эпохъ. Разности предметовъ у него нерѣдко сливаются и подводятся подъ точки зрѣнія слишкомъ-общія. Оттого его поэтическія представленія разрѣшаются иногда понятіями вмѣсто образовъ, или на высотѣ, въ кругу ихъ, мелькаютъ неясныя, неуловимыя полувидѣнія; отъ нихъ вѣетъ жизнью прекрасною, но смутною и перазгаданною. При-всемъ-томъ было бы непрости-

тельно-грубою ошибкою ставить дарованію въ вину отсутствіе такихъ совершенствъ, какія не вытекаютъ изъ его художественнаго характера. Вопросъ состоитъ въ томъ, согласуется ли способъ его дѣятельности съ законами искусства, а не въ томъ, успѣлъ ли онъ овладѣть всѣми способами? Жуковскій могъ начать путь, могъ идти по немъ, но не пройти весь. То, чего ему недостаетъ, не есть его ошибка, а новый шагъ въ искусствѣ, который предоставлено было сдѣлать другимъ, какъ ему въ свое время предоставлено было сдѣлать такой же. Сравнивая, напри- мѣръ, Пушкина и Лермантова съ Жуковскимъ, вы почувствуете, что этотъ шагъ сдѣйствительно сдѣланъ. Жуковскій постоянно пребываетъ въ высотѣ своего идеальнаго синтетическаго возрѣ- нія; обимъ послѣднимъ доступна эта высота, она родная имъ по ихъ внутреннему влеченію: иначе они не были бы поэты. Но она не есть ихъ единственное жилище; часто видите вы ихъ по- среди житейскихъ тревоженій, на шумныхъ людскихъ сбори- щахъ. По ихъ гордому виду, по проницательной улыбкѣ на устахъ, вы тотчасъ узнаете, что они не здѣшніе, что это путники, за- шедшіе сюда съ какими-то особенными намѣреніями; они скоро потомъ и уходятъ, унося съ собою богатые добычи дѣяній и страстей человѣческихъ. Этого они и хотѣли; они воспользова- лись для своихъ созданій всѣмъ видѣннымъ въ этой лабораторіи судьбъ — и созданія ихъ получили крѣпость золота, къ которо- му примѣшана лигатура. Одинъ какою-то волшебною силою от- торгаетъ насъ отъ нашихъ ежедневныхъ тревогъ и заботъ и воз- носить ко всему лучшему и прекрасному; другіе — это лучшее и прекрасное, вносятъ въ среду нашу, или заставляютъ насъ отъ- пскивать, такъ-сказать, что-нибудь изъ нихъ у себя дома, въ забытомъ углу сердца. Когда Жуковскій изображаетъ великіе на- ціональные предметы — это жрецъ, облеченный въ торжественныя одежды своего сана, совершающій свои дѣйствія во храмѣ впереди сонма народнаго, объятаго важною и благоговѣйною думою, ка- кую онъ ей внушаетъ. Онъ воспламенитель сердець и вмѣстѣ прорицатель въ станѣ русскихъ воиновъ, на Кремлѣ онъ хоре- графъ великолѣпной процесіи на праздникъ избавленія. Пуш- кинъ и Лермантовъ не отдѣляются въ важный поэтической мо- ментъ отъ массы людей; они, повидимому, не внушаютъ ей чув- ствованій, а почерпаютъ ихъ въ ея же сердца, чтобъ очистить ихъ въ своемъ духѣ, развить и выразить образомъ достойнымъ ея, себя и событія. Таковъ Пушкинъ, напри- мѣръ, въ своихъ пье- сахъ: «Къ Полководцу», «Клеветникамъ Россіи», «Пиръ Петра Великаго» и проч., таковъ Лермантовъ въ «Бородинской Голов- щинѣ». Можно ли въ подобныхъ сравненіяхъ говорить о превос- ходствѣ однихъ талантовъ передъ другими? Нѣтъ! Здѣсь различ-

ны не степени, занимаемыя ими въ искусствѣ, и направленія, различны самыя эпохи искусства, которыхъ они были представителями. Идеализмъ Жуковского былъ потребностью литературы, которая чрезъ него, сопряглась съ основнымъ, высшимъ началомъ искусства; подобною же потребностью въ свое время вызванъ идеализированный реализмъ Пушкина и писателей его эпохи. Они должны были сблизиться тѣснѣе идеализмъ съ жизнью, придавая ему нѣкоторую положительность вещей, а вещамъ сообщая его многозначительный смыслъ и выразительность. Это значило дополнить одну сторону поэзіи другою и сомкнуть сферу ея сближеніемъ дѣйствительности идеальной и дѣйствительности вещественной.

Въ искусствѣ, какъ и въ практическомъ мірѣ, успѣхъ, начинаній зависитъ не отъ благородныхъ и прекрасныхъ предначертаній, не отъ богатства и достоинства самыхъ идей, а отъ силы, осуществляющей намѣренія и идеи. Все, составляющее предварительный матеріалъ, дается намъ умомъ, опытомъ, вѣрнымъ взглядомъ на вещи: приведеніе всего этого къ желаемой цѣли, исполненіе есть дѣло таланта, и оно одно только окончательно рѣшитъ судьбу нашихъ помышлений, потому-что оно одно даетъ имъ дѣйствительное бытіе. Поэту предоставлено могущественное орудіе для совершенія его духовнаго подвига — слово. Но прежде чѣмъ онъ ввѣритъ ему свою идею, она должна въ его сознаніи отрѣшиться всего отвлеченнаго и принять на себя живой, чувственный образъ. Этотъ процессъ поэтическаго творчества подчиненъ извѣстнымъ условіямъ, отъ соблюденія которыхъ зависитъ совершенство созданія. Какъ мысль образуется въ человѣческомъ сознаніи по своимъ логическимъ законамъ, такъ образъ слагается по законамъ вещественной природы, потому-что все, принадлежащее къ его организаціи, заимствуется изъ нея. Очевидно, что первое условіе въ его устройствѣ и движеніи есть согласіе съ законами природы. Это не иное что, какъ вещественная правильность. Но есть другое условіе, другая правильность, истекающая уже изъ требованій искусства. Она состоитъ въ равновѣсіи, въ гармоніи всѣхъ частей произведенія, всѣхъ его подробностей и положеній съ основной идеей. Такъ трудъ человѣческаго генія, явленіе изящное становится правильнымъ, законнымъ. Поставленное въ срединѣ между дѣйствительностью мысли и дѣйствительностью вещей, оно своею идеальною стороною удовлетворяетъ требованіямъ духа, вещественно требованіямъ природы; оно уже не мечта, но дѣяніе, истина; оно получаетъ право жизни и мѣсто въ исторіи. Все неправильное, незаконное, осуждено быть позоромъ самому себѣ, или гибнуть. Геній, талантъ, одни имѣющіе право дѣйствовать въ области искусства, одни признан-

*

ные граждане его, не затрудняются исполненіемъ этихъ условій. Будучи сами выраженіемъ высшаго закона человѣческой природы, они въ собственномъ сознаніи носятъ все, что она возлагаетъ на каждаго изъ уполномоченныхъ ею дѣятелей. Избытокъ чувства, роскошь фантазіи, вдохновеніе, служатъ только залогомъ, что повелѣнія разума въ предстоящемъ подвигѣ будутъ выполнены дѣйствительнѣе, вѣрнѣе и блистательнѣе; ибо посредственность лишена способовъ въ дѣлахъ важныхъ, даже слѣдовать указаніямъ какъ должно. Мы приводимъ здѣсь эти понятія потому, что, опредѣляя достоинство произведеній Жуковскаго съ важнѣйшей ихъ стороны — со стороны художественнаго исполненія, полагаемъ, что наши сужденія должны быть основаны на причинахъ. Поэтическое проявленіе его мысли совершается легко и свободно. Образы его раскидываются въ своихъ подробностяхъ, какъ въ вѣтвяхъ, съ непринужденностью и непрерывностью, которыя свидѣтельствуютъ о богатствѣ и плодотворной силѣ фантазіи. Но часто мысль, обращенная къ предметамъ внутренняго созерцанія, требуетъ не столько органически-цѣлаго изображенія, сколько вѣрнаго пластическаго обозначенія своихъ движеній. Поэту было бы, безъ-сомнѣнія, легче описывать, чѣмъ схватывать эти летучія драматическія мгновенія возбужденной души, эти переливы неуловимой, то парящей, то извивающейся мысли, которыя составляютъ прямое богатство нашего внутренняго бытія. Жуковскій одинаково-превосходенъ и тогда, когда изображаетъ поэтическое настроеніе сердца, и тогда, когда живописуетъ. Живопись его отличается полнотою и вѣрностью рисунка; онъ не довольствуется тѣмъ, чтобъ нѣсколькими чертами намекнуть о предметѣ; онъ ставитъ его весь передъ вашими глазами съ той стороны, какая нужна для возбужденія предполагаемаго впечатлѣнія. Онъ не излагаетъ тамъ, гдѣ надобно представлять, изображать. Слабая фантазія, неумѣя управиться съ цѣлостью предмета, лишенная силы сосредоточивать разсѣянные черты и организовать ихъ, даетъ вамъ, такъ сказать, одни обломки вещей, призраки или полупризраки, оставляетъ въ душѣ смутное *нѣчто* вмѣсто яснаго, опредѣленнаго созерцанія. Картина Жуковскаго есть не покушеніе, а созданіе, она полна и окончена, какъ полно и окончено твореніе, вышедшее изъ рукъ природы. Въ пріемахъ его кисти вы не замѣчаете той игривости, быстроты, того, такъ-сказать, молнійнаго удара, какимъ по справедливости удивляемся мы въ Пушкинѣ. Манера его рисовки степеннѣе, осторожнѣе, обдуманнѣе. Онъ слишкомъ-далекъ отъ того, чтобъ подчинять свое вдохновеніе какимъ-нибудь стѣснительнымъ правиламъ; но онъ повѣряетъ его тѣмъ тонкимъ внутреннимъ инстинктомъ красоты, который столько ему свойственъ и который со-

ставляет совѣсть художника; по-крайней-мѣрѣ, онъ всегда въ согласіи съ этою совѣстью, какъ-бы она слѣдила за каждымъ порывомъ его фантазіи. Въ изображеніи природы нѣтъ у него ни рѣзкихъ противоположностей, ни быстрыхъ и смѣлыхъ переходовъ, ни сближеній, поражающихъ своею неожиданностью; но онъ превосходно схватываетъ гармоническое соотношеніе подробностей, какимъ природа плѣняетъ наблюдателя, независимо отъ самаго характера вещей. Что бы почувствовать это, взгляните напр. хоть на эту критику:

И вотъ... насталъ послѣдній день;

Ужъ солнце за горою;

И стелется вечерня тѣнь

Прозрачной пеленою;

Ужъ сумракъ... смерклось... вотъ луна

Блеснула изъ-за тучи;

Легла на горы тишина,

Утихъ и лѣсъ дремучій;

Рѣка сравнялась въ берегахъ;

Зажглись свѣтила ночи;

И сонъ глубокій на поляхъ;

И близокъ часъ полночи...

Въ группировкѣ предметовъ у него столько поэтическаго такта, столько званія приличія положеній, что этого одного ужъ достаточно, чтобъ поставить его, какъ художника, на высокую степень въ самой образованной литературѣ. Можетъ-быть, отъ этого на васъ болѣе дѣйствуетъ общій тонъ его картинъ, чѣмъ ярко и рельефно выдвинутыя части. Въ колоритѣ ихъ чувствуешь что-то мягкое, южное, весеннее; онъ свѣжъ, какъ румянецъ только-что распустившейся розы, и тепелъ, живителенъ, какъ воздухъ лучшей поры года. Погруженіе духа въ общія красоты природы и преобладаніе въ немъ идеальнаго настроенія не допускали Жуковскаго всматриваться въ тѣ особенности, какими она ознаменовываетъ себя въ данномъ пространствѣ, или при извѣстныхъ условіяхъ; оттого изображеніямъ его не достаетъ мѣстной фізіономіи и колорита. Для поясненія нашей мысли, мы опять ставимъ въ параллель съ нимъ Пушкина: послѣдній довершаетъ то, что первый, какъ-бы углубленный въ господствующія идеи своей школы, не успѣлъ выполнить. Общій характеръ красоты обозначается у Пушкина всегда тѣснѣе, чѣмъ у него, подробностями и оттѣнками, почерпнутыми непосредственно въ свойствахъ и положеніи самаго предмета. Онъ не портретистъ въ ограниченномъ, обыкновенномъ смыслѣ слова, не списчикъ съ природы; онъ очень хорошо знаетъ, что вещи, взятыя сами-по-себѣ, безъ отношенія къ высшему значенію жизни, въ которомъ каждая изъ нихъ призвана участвовать по-своему, не могутъ составлять задачи и цѣли

художественнаго созданія, что ихъ изображеніе безъ этого будетъ одинъ питурализмъ пошлый и безсмысленный. Но ему также извѣстна тайна, какими личными свойствами предметъ состоитъ въ связи съ высшею идеей и какими нѣтъ, какія изъ нихъ принадлежатъ общему закону и порядку вещей и какія суть только условія его домашней, такъ-сказать, экономіи. Пушкинъ обладалъ удивительною меткостью въ различеніи этихъ тонкостей; мѣсто, время и обстоятельства для него всегда очень много значили; онъ изучалъ ихъ съ такимъ тщаніемъ, какъ-будто готовился писать о нихъ статистическій отчетъ. Онъ зналъ, что и въ прозаическомъ быту вещей иногда сверкаютъ искры удивительнаго изящества, какъ крупинки золота въ грудяхъ безобразныхъ, постороннихъ веществъ; онъ мастерски пользовался этими отрадными минутами просвѣтленія, которыми вещь, какъ бы она ни была забыта и ничтожна, свидѣтельствуешь, что и ея касается божественный духъ жизни, что и она имѣетъ свой праздничный день, въ своей убогой долѣ, свой участокъ въ неистощимыхъ дарахъ Божіихъ. Оттого красота его созданій, при ихъ стройности и граціи, отличается какою-то особенною осязательностью формъ. Вы чувствуете, какая свѣжая юношеская кровь протекаетъ въ ихъ жилахъ; въ румянцѣ ихъ цвѣтетъ роскошно жизненная сила; они похожи на тѣхъ красавицъ, у которыхъ воспитаніе и образъ жизни не отняли удовольствія быть здоровыми. Они до того дѣйствительны, существенны, что кажется, будто въ нихъ присутствуетъ и управляетъ всѣми ихъ движеніями сама природа, а не мысль человѣческая, изображающая ихъ въ своемъ отраженіи. Впечатлѣніе, производимое Жуковскимъ, похоже на то свѣтлое и отрадное чувство, которое вкушаемъ мы, когда въ какомъ-нибудь уединенномъ убѣжищѣ любимъ прекрасными видами, разстилающимися передъ нами на необъятное пространство; впечатлѣніе, возбуждаемое Пушкинымъ, подобно радостнымъ ощущеніямъ, наполняющимъ грудь нашу во время прогулки посреди очаровательной мѣстности, гдѣ мы останавливаемся передъ каждымъ занимательнымъ предметомъ, черпаемъ изъ ручья воду, чтобъ освѣжить свое лицо, наклоняемъ къ себѣ стебель роскошнаго цвѣтка, чтобъ насладиться его блахоуханіемъ, или слѣдимъ за извилистымъ полетомъ птички, спорхнувшей съ куста отъ шелеста нашихъ шаговъ, гдѣ мы чувствуемъ, что живемъ за одно со всѣмъ окружающимъ насъ. Одинъ настроиваетъ насъ на извѣстнаго рода мысли; другой, кажется, гонитъ изъ нашей души всякую мысль, кромѣ одной — мысли о томъ, какъ близка къ намъ, хороша и богата изображаемая имъ природа. Жуковскій любитъ созерцать природу въ ея великолѣпномъ убранствѣ, когда она празднуетъ дни своего возрожденія и когда она вездѣ и для всякаго плѣни-

тельна. Пушкинъ не чуждается и нашего мутнаго неба, нашего осенняго ненастья, зимнихъ вьюгъ и трескучихъ морозовъ; онъ уловляетъ глубокий смыслъ каждаго изъ ея превращеній и заставляетъ сладко биться наше русское сердце тѣмъ, что только ему одному и можетъ быть понятно и дорого.

Художественный характеръ изображеній Жуковского довершается вполне тамъ, гдѣ содержаніемъ ихъ служатъ предметы внутренняго созерцанія. Высокое эстетическое наслажденіе—слѣдовать за движеніемъ его поэтической мысли, когда она погружается въ глубину духовнаго, человѣческаго міра. Какъ величественъ, смѣлъ, упругъ и гибокъ вмѣстѣ полетъ ея! Какъ онъ ровень и естественно-граціозенъ при всей своей стремительности, при всей свободѣ тамъ, гдѣ она преслѣдуетъ великую идею! Какъ въ движеніи своемъ она умѣетъ остановиться на самомъ важномъ, или на самомъ изящномъ проявленіи человѣческаго сердца, и какъ вѣрно и стройно развиваетъ его въ подробностяхъ, овладѣвая въ то же время вполне-послушнымъ ей словомъ! Два произведенія Жуковского заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, особеннаго изученія, произведенія, которыя не забудутъ наша литература и потомство. Это «Швецъ въ станѣ Русскихъ Воиновъ» и «Швецъ на Кремль».—Миръ колебался въ самыхъ основаніяхъ своихъ; едва утихнулъ страшный вулканъ внутреннихъ потрясеній, какъ надъ Европою простерлась гроза, готовая измѣнить древній союзъ народовъ, низложить династіи царей и монархіи съ ихъ самобытною и славою. Казалось, настало роковое, послѣднее мгновеніе, когда рука Провидѣнія поставила Россію лицомъ къ лицу съ этимъ неожиданно-взросшимъ разрушительнымъ могуществомъ; великая драма должна была разыгратъ катастрофой — быть или не быть не для ней одной, но для всѣхъ обществъ первенствующей, образованнѣйшей части міра. И Россія за себя и за нихъ приняла на себя страшную отвѣтственность этого великаго мгновенія. Благочестивая, единокрушная, преданная Благословенному вождю своей судьбы, съ оружіемъ въ рукахъ и оружіемъ нравственной силы въ сердцѣ, она стала мужественно на встрѣчу своего жребія, облеченнаго зловѣщею таинственностью и ужасомъ для всѣхъ, кромѣ ея вѣры. Уже драгоцѣнныя жертвы были принесены—опустошенныя родныя поля были смочены нашею кровью; день Бородина сіялъ безсмертіемъ на страницахъ нашей исторіи, но Москва дымилась въ развалинахъ. Все возвѣщало благодать минуты рѣшительной и важной для всего человѣчества. Ее-то избралъ поэтъ для своего величественнаго народнаго гимна и воспользовался своимъ предметомъ не только какъ гражданинъ, полный глубокаго сочувствія къ судьбѣ отечества, но и какъ гениальный художникъ. Какая дивная поэзія въ самомъ положеніи

вещей! Жуковскій обнялъ ее съ свойственной ему высоты воззрѣнія: «Когда рокъ беретъ ужъ жребій изъ таинственной урны» онъ становится въ кругу воиновъ истолкователемъ задачи, переданной судьбою на рѣшеніе ихъ доблести; отъ лица ихъ онъ произноситъ священные обѣты, обращается ко всѣмъ вѣрованіямъ и побужденіямъ, которыя даютъ предстоящей борьбѣ глубокое нравственно-національное значеніе. Основная идея раскрывается во всемъ богатствѣ сокрытыхъ въ ней животрепещущихъ моментовъ и явленій. Но величіе идеи и самое обиліе содержания не составляютъ еще всего поэтическаго достоинства «Пѣвца Русскихъ Воиновъ»; талантъ автора выказывается съ самой блестящей стороны въ томъ драматическомъ движеніи, какое умѣлъ онъ сообщить своему творенію отъ начала до конца. Это полетъ духа почти видимый и слышимый—до такой-степени онъ полонъ жизни, силы и дѣйствія. Стремителенъ, важень, нѣженъ и мужественъ, гибокъ и быстръ, погружаясь въ глубину своей идеи, или паря надъ вещами и лицами, онъ свободно, безъ малѣйшихъ усилій вскрываетъ предъ вами великолѣпную трагическую драму внутреннихъ состояній, предшествующую и служащую основаніемъ драмѣ дѣль. Здѣсь не забыто ни одно благородное побужденіе, ни одна дѣйствующая пружина, ни одна личность изъ тѣхъ, которымъ суждено участвовать въ грядущемъ днѣ; каждой изъ этихъ силъ дано приличное, естественное положеніе, каждая отгѣнена свойственными ей красками, все стремится къ возбужденію одного общаго впечатлѣнія. Съ трепетомъ въ сердцѣ вы проходите по всѣмъ направленіямъ великой дѣйствующей здѣсь мысли; одно глубокое ощущеніе смѣняется другимъ, и сумма всѣхъ ихъ

Сразить иль пастъ — нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани!

Нѣкоторые находили, что лица, выведенныя авторомъ, очерчены единообразно и краски ихъ блѣдны. Можетъ-быть, это справедливо въ-отношеніи къ лицамъ второстепеннымъ; но портреты главныхъ дѣятелей войны XII года начертаны кистью вѣрною и мастерскою. Кому не извѣстна, на примѣръ, слѣдующая характеристика Кутузова:

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,

Герой подъ сѣдинами!

Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь

И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.

О, сколь съ израненнымъ челомъ

Предъ строемъ онъ прекрасенъ!

И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,

И сколь врагу ужасенъ!

О диво! се орелъ пронзиль

Надъ нимъ небесъ равнины...

Могучій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.
Лети ко прагѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести!
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность къ герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье!
Тамъ стѣны... въ Россахъ вся она;
Мы здѣсь—и Богъ намъ мщенье.

Или кто въ слѣдующемъ изображеніи не признаетъ главныхъ отличительныхъ свойствъ нашего достославнаго Войска Донскаго:

Хвала нашъ вихорь-атаманъ!
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для сопостатовъ,
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь.
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ — пышутъ селы.

«Пѣвецъ во станѣ Русскихъ Воиновъ» изображаетъ напряженіе и сосредоточеніе народныхъ силъ, предшествованія великому роковому событію; «Пѣвецъ на Кремль» есть разрѣшеніе, исполненіе того трепетнаго ожиданія, какимъ проникнуто было сердце великаго народа въ рѣшительную, достопамятнѣйшую минуту его жизни. Это звучный голосъ спасенія, это произнесеніе перваго за событіемъ слова: *свершилось*, предъ лицомъ міра и потомства, произнесеніе, полное ликованія, восторга и славы. Здѣсь авторъ съ такимъ же искусствомъ воспользовался всѣми поэтическими внушеніями своей идеи, какъ въ первой пьесѣ. Изобрѣтеніе его свободно и стройно; предметы и понятія, введенныя имъ въ содержаніе, не придуманы; они естественно, сами собою вытекаютъ изъ основной мысли, которая вся, такъ-сказать, трепещетъ отъ полноты радостнаго, удовлетворительнаго патріотическаго чувства. Общій тонъ пьесы обозначается особенностью самаго момента: въ ней господствуетъ какое-то тихое, величавое успокоеніе — плодъ исполнившихся обѣтовъ и надеждъ. Тутъ нѣтъ той энергіи, тѣхъ быстрыхъ переливовъ чувства, какъ въ «Пѣвцѣ во ста-

нѣ Русскихъ Воиновъ»; это понятно. Въ одномъ произведеніи представляются силы въ движеніи, готовыя устремиться на открытое передъ ними кровавое поприще; здѣсь все какъ-будто стремится изъ своихъ убѣжищъ, чтобъ стать передъ судьбою лицомъ къ лицу. Въ «Пѣвцѣ на Кремлѣ» буря сокрушительныхъ движеній утихла; встревоженный океанъ, такъ-сказать, вступилъ въ свои предѣлы — на немъ воцарилась та торжественная тишина, которая позволяетъ взору спокойно устремиться въ даль безконечнаго. Грудь воздымается еще скорбью при воспоминаніи жертвъ, какихъ стоилъ намъ этотъ прекрасный день славы, который никогда не будетъ знать заката. Но слѣды опустошенія изгладятся скоро, Москва встанетъ изъ своихъ развалинъ. Исторія наша не разъ ужь была тому свидѣтелемъ; павшіе въ битвахъ умерли лучшею смертью, какую немногія битвы даютъ. Между-тѣмъ принесенныя нами жертвы даровали намъ одно изъ драгоценнѣйшихъ благъ, предоставленныхъ испытанной заслугой и честью — право уважать самихъ себя. Поэтому «Пѣвецъ на Кремлѣ» останется навсегда у насъ лучшею пѣснью радости; произведение это вмѣстѣ съ «Пѣвцомъ во станѣ Русскихъ Воиновъ», составляетъ яркую неизгладимую отмѣту XII года. Когда, облеченный въ историческую славу, онъ предстанетъ предъ позднимъ потомствомъ въ своемъ колоссальномъ величій, оно выслушаетъ съ умиленіемъ гимны поэта, какъ достойное дополненіе исторіи: одна раскажетъ ему великія дѣла, другіе передадутъ ему величія чувствованія, производящія ихъ. Такъ искусство не даетъ умирать ничему, что составляетъ честь и достоинство человѣческаго сердца.

Сколько бы ни находили мы красотъ въ писателѣ со стороны его творчества и художественной распорядительности, всѣ онѣ довершаются его языкомъ. Но въ чемъ состоитъ достоинство писателя въ этомъ отношеніи? Намъ кажется, что способности его обнаруживаются здѣсь двумя способами: или онъ пользуется готовыми ужь, такъ-сказать, наличными средствами языка, какъ знатокъ и мастеръ, выражаясь на немъ вѣрно и изящно, или онъ достигаетъ этихъ же самыхъ совершенствъ, проникая до сокровенныхъ тайнъ языка, развертывая его силы, приводя въ извѣстность невѣдомыя до того богатства, и такимъ-образомъ дѣлаетъ достояніемъ литературы и общества то, что, безъ него, осталось бы надолго, а можетъ-быть, и навсегда безъ употребленія и пользы. Одинъ способъ свойственъ именно, какъ мы сказали, знатоку и мастеру; другой—великому дарованію, богатому новыми литературными идеями. Говорятъ, что такой-то писатель обогащаетъ языкъ, внося въ него новые слова и обороты; это выраженіе очень-неточно, какъ-будто писатель въ-состояніи добавлять языкъ своими изобрѣтеніями. Положимъ, что у него есть

слогъ; но слогъ есть неболѣе, какъ особенный слѣдъ, оставляемый на готовомъ ужь составѣ языка его личностью, оригинальностью его мысли. Геній писателя смиряется предъ геніемъ языка; онъ не властенъ измѣнить его основныхъ законовъ, или придать ему совершенства, съ ними несомѣстныя. Но онъ можетъ постигать его тайны лучше многихъ, лучше всѣхъ другихъ; онъ можетъ, не спрашиваясь мелочной лингвистики, дѣлать открытія, быть Колумбомъ языка, дать самому народу понять, какими сокровищами онъ надѣленъ отъ природы, ввести его, такъ—сказать, во владѣніе ими, какъ геній, открывшій Америку, ввелъ челоуѣчество во владѣніе цѣлою частью Свѣта. Что слѣлалъ Ломоносовъ, устанавливая языкъ нашей литературы и науки? Изобрѣталъ ли онъ слова, съ ихъ формами, устройство рѣчи? Или перемѣнялъ значеніе однихъ и составъ другой? Нѣтъ! онъ только воспользовался готовымъ запасомъ словъ и привилъ, такъ—сказать, къ нимъ новыя понятія, потому—что эти слова, по свойству широкаго отразившагося въ нихъ національнаго духа и свойственной ему силы движенія, оставаясь точными на своемъ мѣстѣ, въ употребленіи, не были закованы въ цѣпи неподвижнаго и тѣснаго специализма и способны были развиваться съ новыми идеями жизни и образованности, принимать въ себя свѣтъ и теплоту живаго дѣйствующаго ума. Когда же, впослѣдствіи, не доставало запаса словъ существующихъ, писатели обращались къ другому свойству русскаго языка, къ его гибкости, его богатому словопроизводству, и тотъ же геній языка помогаль имъ съ честію выходить изъ затрудненія. Такъ и въ архитектурнѣ рѣчи Ломоносовъ и слѣдующіе за нимъ лучшіе писатели употребляли, сколько требовалъ ходъ нашего образованія, новыя словосочетанія, извлекая ихъ изъ общихъ свойствъ нашего богатаго синтаксиса и логики языка, столь здравой и естественной. Языкъ литературный совершенствовался по мѣрѣ того, какъ писатели покидали искусственныя формы, лучше постигали духъ выраженія общенароднаго и приближались къ нему оборотами рѣчи. Но, не считая никого изобрѣтателемъ въ дѣлахъ языка, мы тѣмъ неменѣе должны признать высокую заслугу писателей, которые подвигаютъ его впередъ, испытывая и употребляя его природныя средства. Здѣсь каждое слово, удачно употребленное для обозначенія новаго оттѣнка понятія, каждый оборотъ, впервые выражающій новое направленіе мысли, или ея смѣлый, оригинальный порывъ, каждая капля свѣжей краски, очутившаяся на палитрѣ поэта—живописца — все важно, все дорого, какъ проявленіе его жизненной силы, какъ новое орудіе для распространенія и утвержденія образованности и истины. Такимъ—образомъ мы будемъ благодарны и Богдановичу, нашедшему впер-

вые возможность дать нѣкоторый просторъ игривой и легкой мысли въ неуклюжемъ до того построении стиха, и Хемницеру, вывавшему изъ мрака на литературное употребленіе нѣкоторыя общенародныя формы и краски, неговоря ужь о Державинѣ, извлекавшемъ изъ нетронутыхъ рудниковъ слова цѣлые куски самороднаго золота дляковки своей могучей и блистательной рѣчи, ни о Карамзинѣ, который произвелъ такое рѣшительное измѣненіе литературнаго языка нашего возвращеніемъ его къ собственной живой логикѣ и художественной обработкѣ готовыхъ матеріаловъ.

Поэтическій языкъ нашъ до Жуковскаго находился на той же степени, какъ самая литература. Мы видѣли, что въ этой послѣдней эстетическій элементъ еще не обозначился вѣрно и точно и что въ ней преобладали воззрѣнія и идеи, возбужденныя не природою и жизнью, а духомъ французской искусственной школы. Поэтому, хотя на поэтическій языкъ имѣли благотворное вліяніе такіе писатели, какъ Карамзинъ и Дмитріевъ, однакожь общій его характеръ не отличался разнообразіемъ и естественностью красокъ. Въ немъ было что-то внѣшнее, мало-истинное, что-то сдѣланное, а не создавшееся; обороты его были похожи на формулы, которыя только прилаживались къ мыслямъ; видно было, что ихъ производило преднамѣренное искусство, а не свободная творческая сила возбужденной души. Тогда внѣшнее риторическое убранство рѣчи считали за краснорѣчіе, непонимая самой простой и очевидной истины, что идея, лишенная внутренней силы, сухая, тощая, чрезвычайно-смѣшная, когда ее стараются выставить въ красивомъ и великолѣпномъ видѣ, что она похожа на старуху, наряженную къ вѣнцу. Одинъ и тотъ же привычный ходъ мыслей, одни и тѣ же воззрѣнія на вещи удерживали языкъ въ тѣсныхъ границахъ и не позволяли ему выказать своихъ богатствъ. Съ Жуковскимъ наступилъ для него новый періодъ. Идеи, которыми овладѣлъ онъ въ литературахъ германской и англійской, требовали новыхъ формъ выраженія; Жуковскій нашелъ матеріалы для нихъ въ русскомъ языкѣ и создалъ изъ нихъ эти формы съ искусствомъ необычайнымъ. Чѣмъ разнообразнѣе были самыя идеи, тѣмъ болѣе развивался языкъ подъ перомъ его. Живыя и нѣжныя ощущенія сердца съ ихъ едва уловимыми оттѣнками, красоты природы, открывающіяся взору, прямо и съ любовью на нихъ устремленному, чистые идеальные образы съ ихъ неземною таинственною прелестью — все это облеклось въ выраженія, краски, вполне ему соответствующія, цвѣтущія, осязательныя, изящныя. Никогда еще русскій языкъ не обнаруживалъ столько гибкости, благородства, граціи въ поэтическомъ изложеніи мысли, какъ теперь. Сколько словъ предста-

вилось намъ, получившихъ новый оттѣнокъ выразительности и силы или чрезъ аналогическое сближеніе понятій, или посредствомъ удачнаго и вѣрнаго распредѣленія ихъ въ рѣчи! Сколько видоизмѣненій ея, словосочитаній, оборотовъ, доказывающихъ такую же воспріимчивость и многосторонность языка, какими одарены умъ и чувство народа, его создавшаго! Въ немъ явились пособія, тонкости, оттѣнки, прежде несуществовавшія, явился новый колоритъ живописи. Неудивительно, что, при этихъ средствахъ языка, изображенія Жуковскаго получили особенный плѣнительный характеръ свѣжести и естественности; холодное риторическое разцвѣчиваніе мысли, уступило мѣсто выраженію истинному, существенному, почерпающему въ ней и въ вещахъ свою силу и прелесть; въ изображеніяхъ этихъ мы увидѣли природу безъ суетныхъ прикрасъ, съ ея собственною фізіономіею, и ея вѣчная красота перестала обезобразиваться словомъ надутымъ и изысканнымъ, лишеннымъ духа ея и жизни. Это ужь были цвѣты не изъ воску сдѣланные, распещренные заказнымъ и жалкимъ малярствомъ, а живые, роскошные цвѣты, сорванные на поляхъ и въ садахъ, полные благоуханія и блеска, которые дарить одно солнце.

Жаркіе поборники народности языка спрашивали, почему Жуковскій, раскрывшій въ немъ такъ много изящныхъ свойствъ, не пользовался средствами, какія представляетъ писателю идиотизмъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ, хорошо-понятый и разработанный? Значитъ ли это, однакожь, что онъ не обращалъ на него вниманія, или что ему не были извѣстны его красоты? Конечно нѣтъ! отсутствіе этой стихіи языка прямо проистекало изъ духа его поэзіи. Усвоивъ себѣ возвышенное, идеальное направленіе съ его общечеловѣческимъ началомъ, проводя въ литературу и общество идеи новыя, онъ долженъ былъ искать для нихъ выраженій и красокъ болѣе въ цѣломъ составѣ языка, чѣмъ въ частныхъ и особенныхъ его проявленіяхъ, руководствоваться болѣе его духомъ, чѣмъ установившимися опредѣленными формами. Ему очень-хорошо были знакомы его особенности и силы, готовые ко всему прекрасному, истинному и логическому; но онъ естественно обращался къ тѣмъ изъ его способовъ, какіе ближе подходили къ характеру его мыслей и образовъ. И оттого, однакожь, языкъ Жуковскаго не менѣе есть нашъ чистый родной языкъ. Народность рѣчи не состоитъ въ одномъ идиотизмѣ, а въ оборотахъ, устройствѣ, краскахъ, самостоятельно употребленныхъ писателемъ и сообразныхъ съ духомъ и логикою послѣдняго. Идиотизмъ составляетъ часть языка, конечно, ближайшую ко кореннымъ стихіямъ народности, но онъ не очерпываетъ всѣхъ свойствъ и богатствъ его точно такъ, какъ

пословицы не заключаютъ въ себѣ всего здраваго смысла и практической мудрости, какіе народъ способенъ раскрыть въ своей исторической жизни. Языкъ раздвигаетъ свои предѣлы по мѣрѣ расширенія круга самыхъ понятій; онъ не отступаетъ отъ своихъ коренныхъ основаній; однакожь, онъ не тотъ ужь въ періодъ умственной зрѣлости, какой мы слышимъ въ изустномъ употребленіи простаго народа, или находимъ въ пѣснѣ, сказкѣ, легендѣ литературы первоначальной; онъ становится полнѣе, многостороннѣе; идиотизмъ, какъ частное проявленіе, какъ оттѣнокъ языка, уступаетъ мѣсто выраженію общенародному и вмѣстѣ художественному. Таковъ языкъ и Жуковскаго. Языкъ этотъ принадлежитъ націи по своей неукоризненной чистотѣ и правильности, а искусству—по своимъ первокласснымъ красотамъ, способнымъ выдержать самый строгій судъ литературной критики. Сладость и благозвучіе стиха, доведенные авторомъ до высокой степени совершенства, организація рѣчи, всегда довершенная и стройная, искусство связывать ея части безъ малѣйшаго затрудненія и усилій, что даетъ такую легкость ея движеніямъ, такую естественность и свободу ея переходамъ, блескъ и мягкость его красокъ — все это важныя достоинства, изобличающія въ Жуковскомъ мастера, который постигъ тайну, какъ обращаться съ матеріей слова. Но здѣсь нѣтъ еще полной художественной красоты выраженія; это только внѣшняя сторона его. На слово нельзя смотрѣть, какъ на матерію, изъ которой искусная рука художника лѣпитъ какія угодно формы; оно есть живая сила, участвующая въ самыхъ процессахъ нашей мысли, и должна исходить наружу изъ глубины духа вмѣстѣ съ ней, какъ одно нераздѣльное цѣлое. Нерѣдко слово бываетъ въ борьбѣ съ мыслью; настойчивость и искусство писателя могутъ наконецъ покорить одно другой, могутъ установить между ними внѣшнее отношеніе и согласіе, по которымъ мы справедливо слово называемъ представителемъ мысли. Но высшее совершенство выраженія тамъ, гдѣ изглаживаются всѣ слѣды этой борьбы, гдѣ зиждущая сила распоряжается безпрепятственно, уничтожая всякій антагонизмъ внѣшняго, гдѣ задача ея разрѣшается таинственнымъ актомъ осуществленія идеи въ словѣ, а не механическимъ подчиненіемъ одной силы другой. Здѣсь такъ—называемая стилистика, всякая другая красота исчезаютъ, кромѣ красоты предмета, кромѣ самой жизни съ ея разгаданнымъ смысломъ, исторгнутыми геніемъ изъ пучины всеобщаго бытія и переданными сознанію нашему, въ его собственность. Такъ въ прекрасномъ лицѣ человѣческомъ плѣняетъ насъ не цвѣтъ лица, не гармоническое сочетаніе линий, не изящество облика, а оно само и оно все. Конечно, характеръ языка, какой мы представляемъ здѣсь, есть совершенство

не для многихъ доступное, но онъ доступенъ былъ высокому дарованію Жуковскаго. Припомнить какое-нибудь мѣсто изъ его произведеній; вотъ, напримѣръ, монологъ Анны д'Аркъ въ началѣ IV акта «Орлеанской Дѣвы» :

Молчить гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумять по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистають торжествомъ;
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы;
И гордый столбъ обвить живымъ вѣнцомъ;
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.
И все горить единымъ вдохновеньемъ;
И груди всѣхъ подъемлетъ мысль одна;
И счастье волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что рознила война;
Гордится Франкъ своимъ происхожденьемъ;
Какъ-будто всѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честью примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.
Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастья, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой;
Британскій станъ любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрять души преступное волненье.

Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребить меня!

Передъ вами мученица великой идеи, открывающая тайныя глубины своего сердца. Мы видимъ ее, мы чувствуемъ ея муки и забываемъ о языкѣ, которымъ все это выражено. Что намъ за дѣло до того, какіе способы употреблены, чтобъ передать намъ одно изъ роковыхъ мгновений жизни? Передъ нами бьется, трепещетъ сердце, изнемогающее въ борьбѣ его нѣжныхъ влеченій съ строгою задачею, павшею на эту слабую женственную грудь съ высоты самаго неба. Анализируйте, если вамъ угодно, всю картину, чтобъ опредѣлить степень ея художественнаго до-

стоинства, изучайте эту удивительную стройность въ движеніи рѣчи, эту мягкость кисти, которая краскамъ даетъ такіе бархатные отливы, ея легкость и непринужденность, съ которыми она какъ-бы едва дотрогиваясь до полотна, оставляютъ на немъ такіе полные, доконченные, дышущіе образы — все это хорошо и нужно; но лучше всего то, что, увлеченные непреодолимою прелестью изображенія, вы забываете его анализировать и не знаете на что дающее ему эффектъ указать въ языкѣ. Надобно согласиться, что до Жуковскаго никто не давалъ намъ чувствовать, до какой степени языкъ нашъ способенъ къ выполненію самой трудной задачи въ искусствѣ — утаивать въ себѣ искусство предъ естественнымъ могуществомъ мысли и истины. Кто усомнится послѣ этого въ обиліи его жизненныхъ силъ, въ его возможности извлекать изъ самого себя всѣ нужныя пособія для осуществленія всего, что есть глубокаго, истиннаго и прекраснаго въ стремленіяхъ человѣческой души?

Кажется, мы въ состояніи теперь прійти къ окончательному выводу о томъ, какое значеніе имѣетъ Жуковскій для нашей литературы и образованности. Очевидно, онъ принадлежалъ въ литературѣ къ тѣмъ первенствующимъ дѣятелямъ, которые пролагали ей путь, устанавливали ея направленіе. Называть ли его романтикомъ, какъ у насъ обыкновенно это дѣлаютъ? Подъ романтизмомъ многіе разумѣли и обращеніе умовъ къ средневѣковымъ источникамъ поэзіи; но это не заключало еще въ себѣ большой важности. Еслибъ въ Жуковскомъ, основываясь на его балладахъ, мы видѣли только писателя, перенесшаго, вмѣстѣ съ другими, свое поэтическое воззрѣніе въ этотъ міръ, то тѣмъ немного еще приписали бы ему достоинства. Дѣло, однакожь состояло не въ этомъ. Обращеніе къ средневѣковой жизни было только первоначальнымъ способомъ, какимъ новѣйшая поэзія выразила, какъ мы видѣли ужъ, рѣшительное свое стремленіе къ цѣлямъ, болѣе-существеннымъ и важнымъ. Тутъ была великая, всеобщая реакція противъ исключительнаго господства классической литературы и французскаго вкуса, реакція въ пользу самобытнаго, человѣческо-народнаго литературнаго движенія. Этимъ, съ одной стороны, древній міръ былъ поставленъ въ границы историческаго значенія безъ навязаннаго ему права располагать стремленіемъ новыхъ жизненныхъ силъ, а съ другой, вліяніе одностороннихъ и ложныхъ ученій и идей въ искусствѣ уступило мѣсто самостоятельному анализу вещей и независимому творчеству. Значитъ, писатели, вошедшіе въ потокъ этого движенія, имѣли въ виду ничто-большее, нежели торжество романтизма съ его дѣтскою наивностью и фантастическими видѣніями: ихъ нельзя назвать романтиками, когда мы этому слову не захо-

тимъ дать смысла, по которому оно ужь не будетъ для него гонимъ. Если Жуковскій и началъ съ романтизма, то онъ послѣ далеко оставилъ его за собою, и услуга, оказанная имъ русской словесности, состоитъ не въ томъ, что онъ сообщилъ ей романтическій характеръ, а въ томъ, что онъ возвелъ ее къ мысли и идеалу, уничтожилъ въ ней преобладаніе формы вообще въ особенности стремленіе къ французской виѣшной изукрашенности. Да и какимъ-образомъ романтизмъ въ первоначальномъ своемъ видѣ могъ бы быть примѣненъ къ нашей словесности? Развѣ у насъ были средніе вѣка съ ихъ католическими легендами, феодальными замками, крестовыми походами, рыцарствомъ, владычествомъ женщины и т. п.? Поэзія этихъ явленій не могла не произвести на насъ живаго впечатлѣнія, особенно въ такихъ прекрасныхъ формахъ, въ какихъ дошла она до насъ посредствомъ переводовъ Жуковского именно потому, что это была поэзія; но для произведенія переворота въ нашей словесности она была слишкомъ-односторонна, слишкомъ-тѣсна. Не могли же мы съ разцвѣтающими силами нашей богатой народности заключить себя въ какомъ-нибудь древне-готическомъ германскомъ замкѣ и воскрешать тамъ прекрасныя видѣнія міра, открытаго нашему наблюденію и созерцанію, но все-таки намъ чуждаго. Нужно было другой, болѣе-могущественной силѣ коснуться нашей литературы, чтобъ двинуть ее на новый путь. Сила эта проявилась въ воззрѣніяхъ на жизнь, внесенныхъ къ намъ Жуковскимъ, въ свойствахъ его идеализаціи и способахъ художественнаго исполненія. Несмотря на то, что новое направленіе достигло до насъ извнѣ, оно принесло всѣ тѣ благія послѣдствія, какихъ слѣдовало ожидать отъ подобнаго шага въ искусствѣ. Это и неудивительно. Въ немъ заключалось столько истины, столько родственнаго всей христіанской образованности, столько содѣйствующаго самобытной зиждательности духа, что литература, чья бы она ни была, усвоивъ его себѣ, не только не стѣсняетъ тѣмъ своего національнаго движенія, а, напротивъ, поощряется къ нему. Жуковскій не находилъ въ немъ препятствія сочувствовать всему поэтическому въ преданіяхъ, исторіи и судьбахъ своей націи. Если многимъ изъ созданій его недостаетъ самостоятельнаго происхожденія, а краскамъ — вполне мѣстнаго колорита, то это было слѣдствіемъ болѣе его личнаго настроенія, нежели школы. Школа эта и своимъ духомъ и началами такъ ясно указывала на народность, что до ней оставался одинъ шагъ и тотъ, чье сердце, можетъ-быть, первыя поэтическія вдохновенія почерпнуло въ произведеніяхъ Жуковского, Пушкинъ, обратился къ ней такъ свободно, просто и успѣшно, какъ-будто существованіе ея въ литературѣ было ужь дѣло рѣшеное.

Считая Жуковского виновникомъ важнаго переворота въ нашей литературѣ, мы, однакожь, указываемъ тѣмъ только на ближайшую причину событія. Неоспоримо, что возможность подобнаго явленія и сила его развитія заключались въ самыхъ обстоятельствахъ и требованіяхъ времени. Мы находились ужь въ столь близкихъ умственныхъ отношеніяхъ съ Европою, что не могли не раздѣлять ея движеній въ наукѣ и искусствѣ; сама наша литература, какъ она ни была молода, подобно своему обществу, носила въ себѣ зародышъ лучшей, самостоятельной жизни, которая, рано или поздно, должна была войти въ свои права и просіять собственнымъ блескомъ. Ея прежнія скудныя пособія были ужь истощены; мы имѣли нѣсколько писателей, готовыхъ, по своимъ дарованіямъ, принять идеи новыя. Судьба ускорила переломъ, долженствовавшій исторгнуть литературу нашу изъ ея неестественнаго состоянія. Насталъ XII годъ. Всею тягостью и всѣмъ величіемъ своимъ онъ палъ на наши внутреннія силы; онъ потребовалъ отъ насъ не одной нашей крови, но всей нашей души, потребовалъ полнаго сознанія и плодовъ нашей народной самобытности. Какое возбужденіе мысли и чувства! Какая потребность въ рѣшительномъ измѣненіи современныхъ наклонностей и принятыхъ понятій! Какой могущественный вызовъ на самопознаніе, и затѣмъ какое блистательное торжество заслуги предъ человѣчествомъ и самими собою! Не должны ли были послѣ этого измѣниться и наши литературныя вѣрованія и начала? Жуковскій былъ первый, въ душѣ котораго совершилось преобразование. До XII-го года онъ своимъ личнымъ инстинктомъ, самъ-собою, понялъ ничтожность существовавшаго литературнаго направленія; послѣ XII года онъ становится ужь необходимымъ выраженіемъ и исполнителемъ потребностей общихъ.

Жуковскій имѣлъ сильное вліяніе на современное ему общество, несмотря на идеальный характеръ своей поэзіи. Съ перваго взгляда кажется непонятнымъ, какъ можетъ какое-нибудь общество подчиниться дѣйствию силы столь утонченной, столь мало-сообразной съ его обычными понятіями и видами. У него такъ много заботъ дѣльныхъ, стремленій разсудительныхъ и благородныхъ; житейская часть, для которой оно трудится, такъ обширна! Тутъ связываются и развязываются узлы самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ отношеній и выгодъ, повсюду кипитъ неутомимое состязаніе маленькихъ, но язвительныхъ страстей, поглощающихъ умъ и сердце всѣхъ и cadaго; тутъ должны созрѣть и усовершенствоваться тѣ удивительныя способности, которыми человѣкъ иногда такъ хорошо пристраивается на землѣ; тутъ безпрестанно заготавливается и потребляется несметное количество разныхъ польвъ и удовольствій, услаждающихъ скоро-

течный и скорбный день нашего существованія. Естественно, что люди весьма-почтенныхъ свойствъ, люди солидные не только идеальную но и всякую поэзію считаютъ чѣмъ-то совершенно-лишнимъ, вредящимъ только успѣху положительныхъ занятій. И, однакожь, несмотря на все это, человѣкъ не можетъ выйти изъ-подъ опеки высшихъ понятій и истинъ, и изъ нихъ наиболѣе-повсемѣстныхъ и общепризнаваемыхъ, безъ-сомнѣнія, тѣ, которыя непосредственно содѣйствуютъ его нравственному образованію. Нѣтъ, конечно, и не можетъ быть безумца, который осмѣлился бы утверждать, что оно не есть важнѣйшая задача человѣчества. Но задача эта, по чрезвычайной сложности человѣка, разрѣшается не такъ легко, какъ бы можно было думать. Въ немъ есть нѣчто всегда одинаковое, единственное и неизмѣнное; это его природа съ своими основными идеями и вѣчными законами и нѣчто неопредѣленное, измѣнчивое, безконечно-развивавшееся—это его жизнь. Будучи однимъ и тѣмъ же въ своихъ главныхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, онъ безпрестанно колеблется между различными ощущеніями, которыя то увлекаютъ его въ разныя стороны, то бросаютъ впередъ, или отбрасываютъ назадъ и ставятъ часто въ самое затруднительное противорѣчіе съ самимъ-собою. Вотъ почему ему нужны не только правила, но и благое возбужденіе, усвоивающее ихъ жизни. Одни служатъ руководствомъ для его дѣйствій, другое приводитъ его въ то бодрое, рѣшительное состояніе внутренней готовности, какое нужно для совершенія дѣйствій. Правоученіе, состоящее изъ однихъ правилъ, недостаточно; это карта, по которой мы должны учреждать нашъ путь въ океанѣ жизни, но безъ парусовъ и попутнаго вѣтра корабль нашъ не двинется съ мѣста. Правила должны измѣнить свою первоначальную отвлеченную форму; они должны дѣйствовать, какъ свѣтъ и теплота, на все наше нравственное существо, должны, такъ-сказать, растворяться въ жизни, смѣшиваться съ ея стихіями, чтобъ ее очищать. Эта растворяющая сила есть не иное что, какъ наше чувство. Оно находится въ тѣсной, неразрывной связи съ жизнью, и, бывъ возбуждено, оказываетъ неописанное вліяніе на наши дѣйствующія и исполнительныя способности. Оттого, если человѣчество съ благодарностью принимаетъ услуги тѣхъ, которые вразумляютъ его въ истинныя непреложныя начала дѣяній, то не меньшею признательностью оно обязано тѣмъ, которые силою изящнаго настраиваютъ сердце его ко всѣмъ благороднымъ и возвышеннымъ движеніямъ. Это также правоучители, и правоучители великіе, хотя и не выдаютъ себя за нихъ и не предлагаютъ никакой системы правилъ. Ихъ уроки суть уроки самой жизни, и люди, отклонивъ слухъ свой отъ оглушительнаго шума повседневныхъ тревогъ, слушаютъ ихъ съ

невольнымъ умилениемъ въ сердцѣ, съ слезою сочувствія въ очахъ. Вліянія подобныхъ внушеній на нравы нельзя опредѣлить какимъ-нибудь точнымъ признакомъ, формулами: оно не-уловимо, но глубоко и могущественно. Оно дѣйствуетъ, какъ тѣ невидимыя таинственныя силы природы, присутствіе которыхъ мы чувствуемъ повсюду, а указать на него явственно не можемъ. Каждое поколѣніе имѣетъ свои источники, изъ которыхъ льются въ душу его живыя истины сердца. Вѣкъ образованный требуетъ, для возбужденія своего раскрытаго эстетическаго чувства, созданій стройныхъ, изящно-художественныхъ; въ эпоху незрѣлаго состоянія умовъ тоже самое достигается простою пѣснью, поэтическимъ преданіемъ о минувшихъ доблестныхъ дѣяніяхъ, баснословнымъ сказаніемъ о существахъ и силахъ сверхъестественныхъ. Но никогда не прерывается рядъ этихъ сладостныхъ эстетическихъ поученій, которыя то смягчаютъ души суровыя, то укрѣпляютъ ослабѣвшія въ буряхъ житейскихъ, или смиряютъ порокъ карою заслуженнаго посмѣянія: такъ они естественны и такъ необходимы для людей. Безъ нихъ система общественной нравственности была бы одностороннею и неполною. Въ этомъ-то смыслѣ Жуковскій былъ высокимъ правоучителемъ своего поколѣнія. Лучшее поученіе заключалось въ самомъ характерѣ его поэзіи. Идеализмъ ея былъ настоящею потребностью общества, которое, подчинясь вліянію искусства, не испытывало еще силы его внутренняго истиннаго могущества. Поэтъ не возвеличивалъ добродѣтели прикрасами, въ которыхъ она не нуждается и которыя ее оскорбляютъ: онъ не расточалъ ей напыщенныхъ хвалебныхъ возгласовъ; но, раскрывая и образуя эстетическое чувство, онъ полагалъ въ немъ вѣрный залогъ всякаго нравственнаго успѣха. И какъ благотворно дѣйствуетъ на сердца чистая красота его художественныхъ образовъ! Объятія наитіемъ этой красоты, столь естественной при всей своей возвышенности, столь цѣломудренной и неукоризненной, какъ становятся они способными къ тѣмъ возвышеннымъ вѣрованіямъ, къ тому внутреннему самовозбужденію, безъ которыхъ добродѣтель есть одна холодная, неплодная внѣшность, или наглое лицемѣріе. Творенія Жуковскаго были такою школою вкуса, въ которой, вмѣстѣ съ чистыми понятіями о прекрасномъ, мы всѣ, въ лучшую, плодотворнѣйшую пору жизни, почерпали свѣтлыя идеи о достоинствѣ и назначеніи жизни. Счастлива критика, имѣющая право подобнымъ заключеніемъ кончить судъ свой о писателѣ.

С 1677

С17672